

Историко-архитектурное значеніе мечети Хазрета Яссавійскаго въ гор. Туркестанѣ.

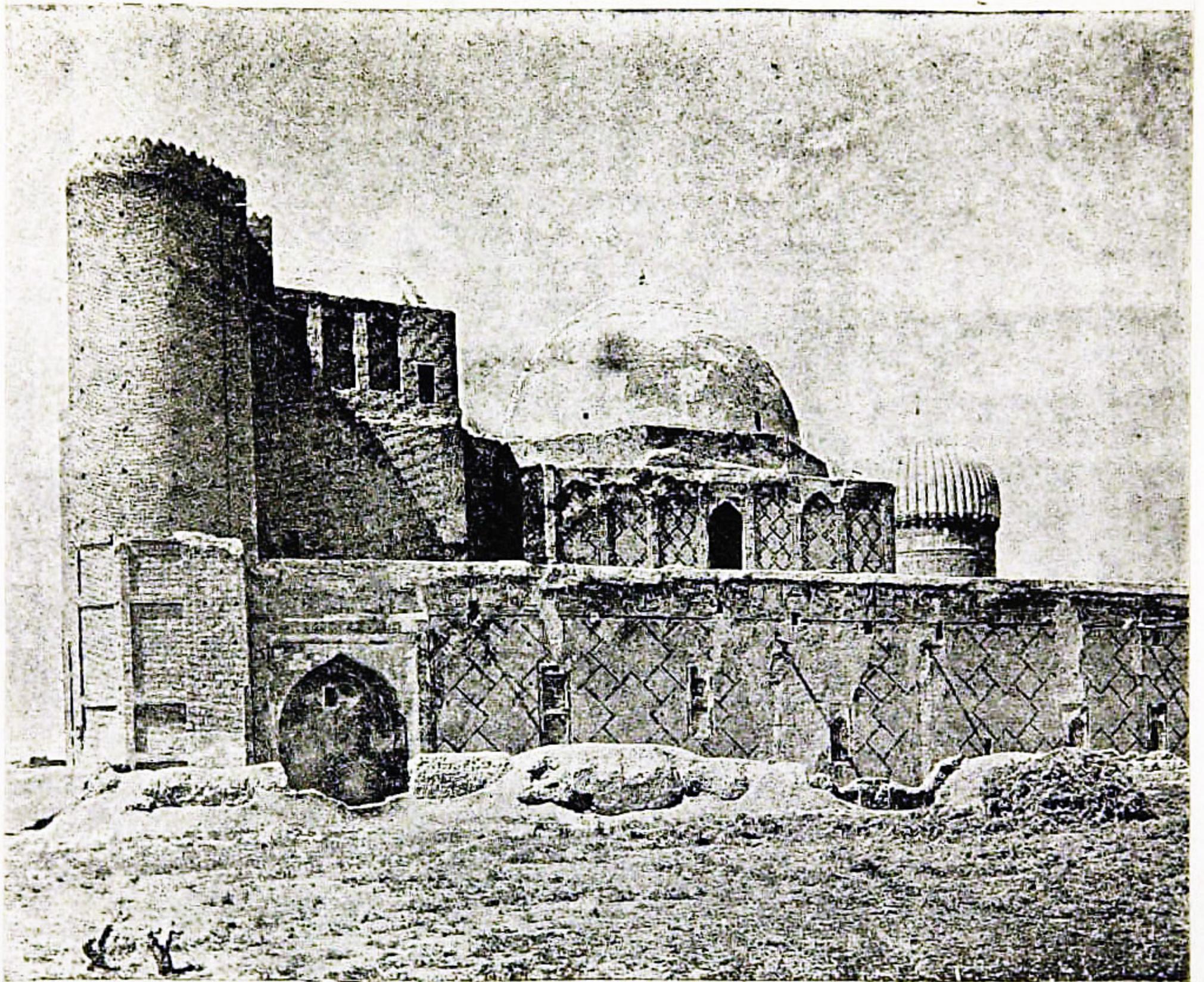
„Wenn einmal ein reichhaltigeres Material der Kunst—und Kulturgeschichte jener Zeiten und Länger zü gebote steht, wird es eine ebenso lohnende als auch interessante Aufgabe der Forschers sein, die verschiedenen Einflüsse, die hier mitgewirkt haben, festzustellen.“

(F. R. Martin о постройкахъ Тимура, „Sammlungen“, Stockholm, 1897).

Характеръ архитектуры каждаго народа, какъ извѣстно, опредѣляется его культурой, а такъ какъ въ основѣ культуры всегда лежалъ тотъ или иной религіозный культъ, то изученіе сооружений, посвященныхъ культу (въ частности храмовъ), занимаетъ преобладающее положеніе въ исторіи архитектуры.

Въ каждой архитектурной постройкѣ естественно различаются три части: планъ, конструкція и убранство зданія (орнаментика и архитектурныя формы декоративнаго значенія). Всѣ эти части должны соотвѣтствовать общей идеѣ сооруженія, но значеніе ихъ въ этомъ отношеніи не одинаково: *конструкція* опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ матеріаломъ, который имѣется въ распоряженіи строителя (условія географическія); *убранство* зданія—этнографическими особенностями и вкусомъ народа, а *планъ**) зданія выражаетъ почти исключительно назначеніе послѣдняго и если, при одинаковости основъ культуры, измѣняется въ зависимости отъ характера той или другой страны или эпохи, то чрезвычайно медленно.

*) Употребляемъ это выраженіе въ смыслѣ технического термина; въ обыденной рѣчи „планами“ зачастую называются вообще чертежи, заключающіе разрѣзы и фасады.

*Мечеть
Ахмеда Ясави въ г. Туркестанъ.*

Позволяемъ себѣ напомнить эти достаточно извѣстныя положенія во-первыхъ потому, что имѣемъ сказать нѣсколько словъ главнымъ образомъ о планѣ Туркестанскаго памятника, а затѣмъ и для того, чтобы уважаемому собранію, — среди котораго находятся лица, прекрасно знакомыя съ этой знаменитой постройкой, не показались слишкомъ парадоксальными нѣкоторыя ниже предлагаемыя сопоставленія.

I.

Возникновеніе и развитіе плана мечети. Западный типъ (со дворомъ, „Мекскій“.)

Мусульманство возникло у народа семитическаго происхожденія и потому особенности обще-семитскихъ религіозныхъ воззрѣній и ритуала отразились въ архитектурѣ, какъ и въ другихъ областяхъ мусульманской культуры.

Обратимъ вниманіе на коренящійся въ глубокой древности общесемитскій обычай круговаго движенія вокругъ священнаго предмета, удержавшійся въ обрядахъ Хаджа и извѣстный подъ именемъ *тавафъ*. Этотъ обрядъ былъ перенесенъ въ мусульманскій Хаджъ изъ языческаго культа древнихъ арабовъ, которые во время своего *Хаджа бтгали* *вокругъ* Каабы съ рукоплесканіями и свистками (Коранъ 8,35); извѣстные въ мусульманскомъ мірѣ вертящіеся дервиши сопровождаютъ свои моленія громкими восклицаніями и ритмическими круговыми движеніями. Всего вѣроятнѣе, что идея круговаго движенія вокругъ свящ. предметовъ — общечеловѣческая и является подражаніемъ круговому движенію небесныхъ свѣтилъ, такъ какъ круговыя движенія во время богослужебныхъ обрядовъ извѣстны не только у семитовъ, но и у древнихъ грековъ и древнихъ славянъ въ ихъ хоровыхъ круговращеніяхъ.

Въ связи съ этимъ основнымъ характеромъ религіознаго круговаго движенія, извѣстный ученый археологъ Денорманъ разсматриваетъ общій планъ постройки Каабы, отличительную часть которой составляетъ обнаженный колоннадой дворъ, окружающій центральное священное зданіе — Каабу*). Основатель ислама Мухаммедъ, возстановляя древне-семитское единобожіе въ Аравіи¹⁾,

*] См. *La numismatique et l'architecture* въ *Revue generale de l'architecture* (1877, раз. 101). Тоже встрѣчается въ древнемъ финикійскомъ храмѣ Баала въ Библосѣ, а Шантеи де-ля Соссей (Иллюстриров исторія религій. Москва 1896 года, томъ 1, стр. 377) склоненъ видѣть нѣкоторое сходство въ планѣ древне-еврейской скинии, по образцу которой строился и храмъ Соломона.

¹⁾ См. соч. Е. Воронца „Истина единства Божія въ религій древнихъ арабовъ“ и въ кн. Н. П. Остроумова „Аравія и Коранъ“.

удалилъ изъ Каабы изображенія идоловъ, собранныхъ тамъ арабами-язычниками, но не рѣшился посягнуть на самый типъ древне-арабскаго святилища, которое и послѣ, не смотря на неоднократно поврежденія, возстановлялось въ прежнемъ своемъ видѣ.

Провозвѣстникъ единобожія въ Аравіи энергично боролся съ мѣстнымъ язычествомъ и изгналъ изъ обрядовъ богослуженія все таинственное; поэтому въ мусульманскихъ храмахъ отсутствуютъ закрытыя части, каковы алтарь у христіанъ.

Какихъ-нибудь спеціальныхъ указаній о распланировкѣ мечетей законъ Магомета не даетъ¹⁾; единственнымъ требованіемъ, которое было поставлено еще самымъ основателемъ теократическаго государства арабовъ и сохранилось до сихъ поръ, служитъ ориентированіе мечети такъ, чтобы молящійся былъ обращенъ лицомъ къ Меккской²⁾ Каабѣ, на направленіе которой (кибла) указываетъ особая ниша (михрабъ)³⁾.

Существенныя требованія новой религіи, предъявленныя къ домамъ молитвы, на этомъ кончались.⁴⁾

Интересно отмѣтить, что въ то время, какъ раннее христіанское зодчество, исходя изъ сходной до нѣкоторой степени съ

1) О мечетяхъ въ Коранѣ упоминается въ разныхъ главахъ (см. указатель къ Корану Сабдукова), но нигдѣ не опредѣляется планъ постройки ихъ.

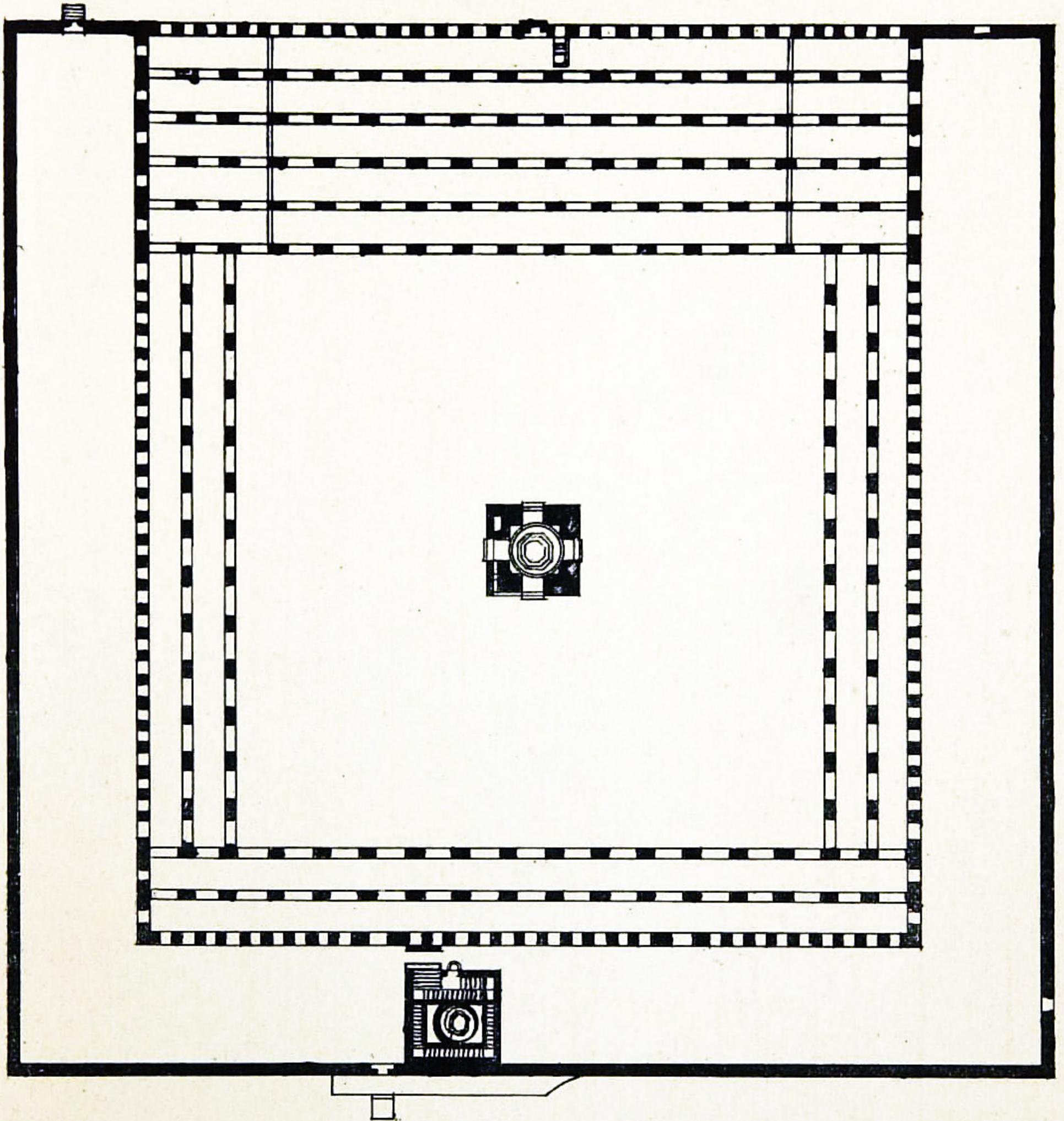
2) До разрыва съ евреями Мухаммедъ предписывалъ обращаться во время молитвы въ сторону Иерусалимскаго храма, на мѣстѣ котораго, надъ священнымъ для семитовъ камнемъ, построена въ послѣдствіи знаменитая мечеть, по *Fr. Pasch'a* („Die Baukunst des Islam“, S. 51) въ 637 г. Халифомъ Омаромъ, по *Lübke*, основывавшемся на надписи на зданіи, („Gesch. der Archit., IV te Aufl., S. 282) въ 688 г. Абд-ул-Меликомъ. Какъ извѣстно, еще и теперь, послѣ „Хаджа“ въ Мекку, мусульмане зачастую отправляются на „зіаретъ“ не только въ Медину, но и въ Иерусалимъ.

3) Въ Туркестанскомъ примѣтчикѣ направленіе на Мекку указываетъ михрабъ малой мечети; притомъ, кажется, въ немъ нѣтъ того неравенства сторонъ ниши, которое служитъ для указаній киблы при неправильномъ положеніи мечети. Сама же постройка ориентирована съ сѣверо-запада на юго-востокъ (см. планъ фиг. 8); не служитъ ли это намекомъ, что Туркестанъ ранѣе болѣе былъ застроенъ, вопреки господствующему мнѣнію?

4) Остаются еще минареты для возгласенія азана (по средне азіатски), крытая постройка для омовеній (турк. *тахаратъ-ханъ*) и скудная обстановка мечетей. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ (какъ мимбаръ-каедре для имама) ведутъ свое происхожденіе отъ пророка; другіе же [минареты] появляются въ позднѣйшее время. Въ Туркестанскомъ краѣ, кажется, совсѣмъ не встрѣчается *декка*—особая платформа въ глубинѣ для повторенія съ нея провозглашаемаго хатыбомъ (настоятелемъ), вѣроятно, по незначительности протяженія нашихъ мечетей сравнительно съ знаменитыми Каирскими. Въ Туркестанской мечети нѣтъ особой тахаратъ-ханы (все зданіе крытое); на минареты по ветхости уже нельзя подниматься, и азанъ возгласяется у входа; есть и мимбаръ, и *курси* [подставка для Корана], но неважной позднѣйшей работы, (особенно послѣдняя), не могущіе идти въ сравненіе съ прославившимися бронзовымъ когломъ и подсвѣчниками. (Объ обстановкѣ мечетей см. *Prisse d'Avennes* „L'art arabe“, . 92, *Fr. Pascha*, привед. сочиненіе стр. 98 и др.).

Ф И Г. 1.

Планъ мечети Тулуна въ Каиръ
 (По Р. Л'Авенес; „L'art arabe“, табл. VI мекка)

10 20 30 40 50 100 МЕТРОВЪ

первоначальной мечетью римской базилики,¹⁾ шло въ сторону развитія алтарной абсиды, появленія заптистерій, придѣловъ и т. п., т. е. увеличеніе таинственныхъ, священныхъ частей храма; между тѣмъ сухое и практичное магометанство семитовъ съ ранняго времени стало пользоваться мечетями для утилитарныхъ надобностей: уже Магометъ предоставляетъ портики своей Мединской мечети для пріюта и отдыха собиравшимся около него не-офитамъ²⁾. Съ теченіемъ времени, когда и подвинулась впередъ теоретическая разработка ислама, наступившія вслѣдъ за первыми священными войнами болѣе спокойныя времена потребовали отъ мусульманскаго зодчества помѣщеній для школы; тѣ-же мечети стали приспособляться и для этой новой цѣли³⁾; но мечеть оставалась открытой, и большинство помѣщеній было видно со середины внутренняго двора.

Въ настоящее время распространены въ Туркестанѣ мадрасы „двороваго“ типа, причѣмъ самая мечеть занимаетъ зачастую только небольшую часть всего сооруженія⁴⁾. Въ нашей мечети, какъ увидимъ ниже, разнообразныя помѣщенія хозяйственнаго характера сосредоточены сравнительно на небольшомъ пространствѣ.

Неудивительно поэтому, что на первыхъ русскихъ путешественниковъ, привыкшихъ къ совершенно другому представленію о храмѣ и знакомыхъ съ другими видами мечети, видъ мечети Хазрета Яссавійскаго произвелъ поразительное впечатлѣніе... Вотъ какъ описывалъ ее *Б. Пашино* въ 1866 г.: „Во время моихъ путешествій по мусульманскимъ странамъ, мнѣ ни разу не доводилось ни видѣть, ни читать ни одного описанія какой-нибудь мечети, имѣющей хотя малѣйшее сходство съ устройствомъ храмины Азретъ-Султана. Къ чему эти десятки темныхъ келій двухэтажныя пекарни и внутренніе колодцы⁵⁾“.

Какъ кочевой (въ большей своей части) народъ, арабы не владѣли такой сравнительно сложной конструктивной формой, ка-

1) Сходство отмѣчено у *Lübke*. (См. ниже).

2) „Матеріалы по мусульманству“ Ташкентъ, 1898, выт. I, стр. 7).

3) До Хлѣва по Р. Хр. въ городахъ мусульманскаго Востока чтеніе лекцій законовѣдами (факихъ) и другими профессорами (мударрисъ) происходило въ мечетяхъ“. *Н. П. Остроумовъ*, „Мусульманская высшая школа (мадраса)“. Журналъ Мин. нар. просв. 1906 г. № 10, стр. 121.

4) Эта часть и называется обыкновенно „Ханака“, въ отличіе отъ окружающей эту часть съ трехъ сторонъ крытой террасы (айванъ).

5) Туркестанскій край въ 1866 г. (Спб. 1868, стр. 66). По поводу предположенія, что это было общежитіе суфіевъ (мистиковъ-сектантовъ), будетъ сказано ниже.

бую представляет куполь, да и знойный и сухой климатъ Аравійскаго полуострова не требовалъ другого покрытія храма, кромѣ плоской и пологой крыши. Такимъ образомъ передняя часть мечети, съ ея нефами, раздѣленными колоннадами получала сходство съ древне-христіанской базиликой, отличаясь отъ послѣдней, какъ замѣчаетъ *Lübke*¹⁾ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ мечети всѣ помѣщенія были одной высоты, тогда какъ въ базиликѣ средній нефъ дѣлался выше боковыхъ.

Того-же Мекксккаго типа оставались тѣ мечети, которыя исламъ повесъ съ собою на западъ, начиная съ Каирской мечети *Амру*²⁾, въ Фецъ, Танжеръ и Испанію, гдѣ знаменитая Кордовская постройка³⁾ (фиг. 2) еще носить тотъ-же основной характеръ, хотя болѣе влажный климатъ, чѣмъ въ Африкѣ, побудилъ строителей расширить крытую часть („мактура“)⁴⁾ пачетъ двора („са'нь“).

Если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мечетей уже съ первыхъ вѣковъ мусульманства появляются купола, то они почти не нарушали основнаго типа, являясь какъ-бы декораціей, для выдѣленія той или другой части сооруженія, а также надъ могилами именитыхъ персонъ, которыхъ стали погребать въ мечетяхъ.

Этотъ-же типъ распространился черезъ Алеппо, Дамаскъ Багдадскій халифатъ въ Персію⁵⁾ и затѣмъ въ Туркестанъ, гдѣ онъ встрѣчается почти постоянно, съ замѣною зачастую, какъ въ Испаніи, плоскаго покрытія худжръ (кельи учащихся) и портиковъ по сторонамъ двора на сводчатое.

Въ большихъ городскихъ мечетяхъ⁶⁾ Ташкента и Ферганы

1) Цит. соч. стр. 276.

2) Полководецъ халифа Омара. Мечеть сооружена въ 643 г. гиджры главнымъ образомъ изъ остатковъ Мемфисскихъ построекъ. По *d'Avennes* планъ ея тотъ-же, что и мечети Тулуна (фиг. 1) построенной въ 876 г.

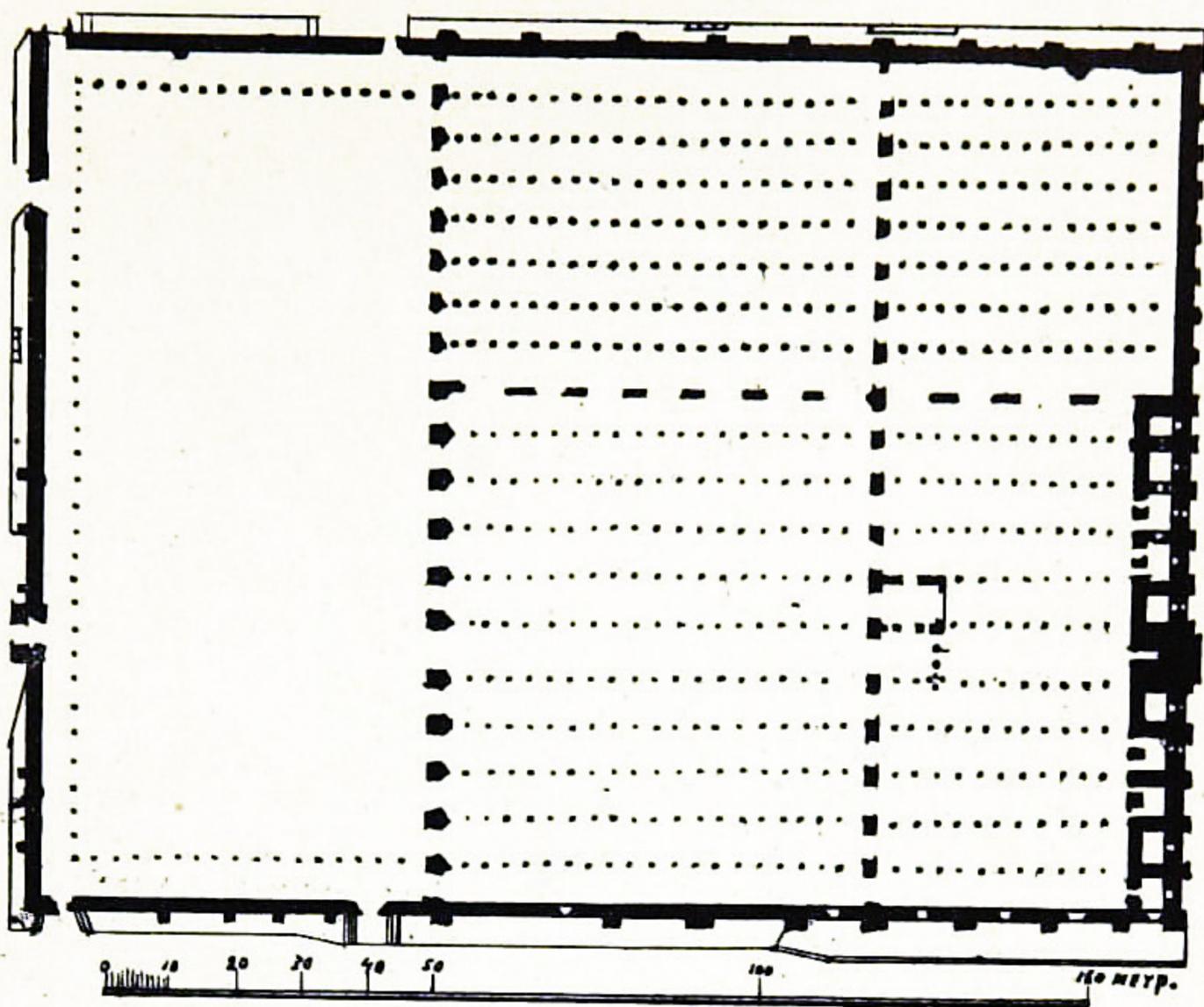
3) Кордовская мечеть заложена въ 786 г. гиджры основателемъ династіи испанскихъ Омейядовъ Абд-ар-Рахманомъ I и строилась почти два столѣтія. Въ XIII в. она была обращена въ католическій соборъ *Lübke*, стр. 285.

4) По *d'Avennes*; по F. Rascha главный портикъ („диванъ“).

5) *A. Gayet*. „L'art persan“ стр. 143 и слѣд.

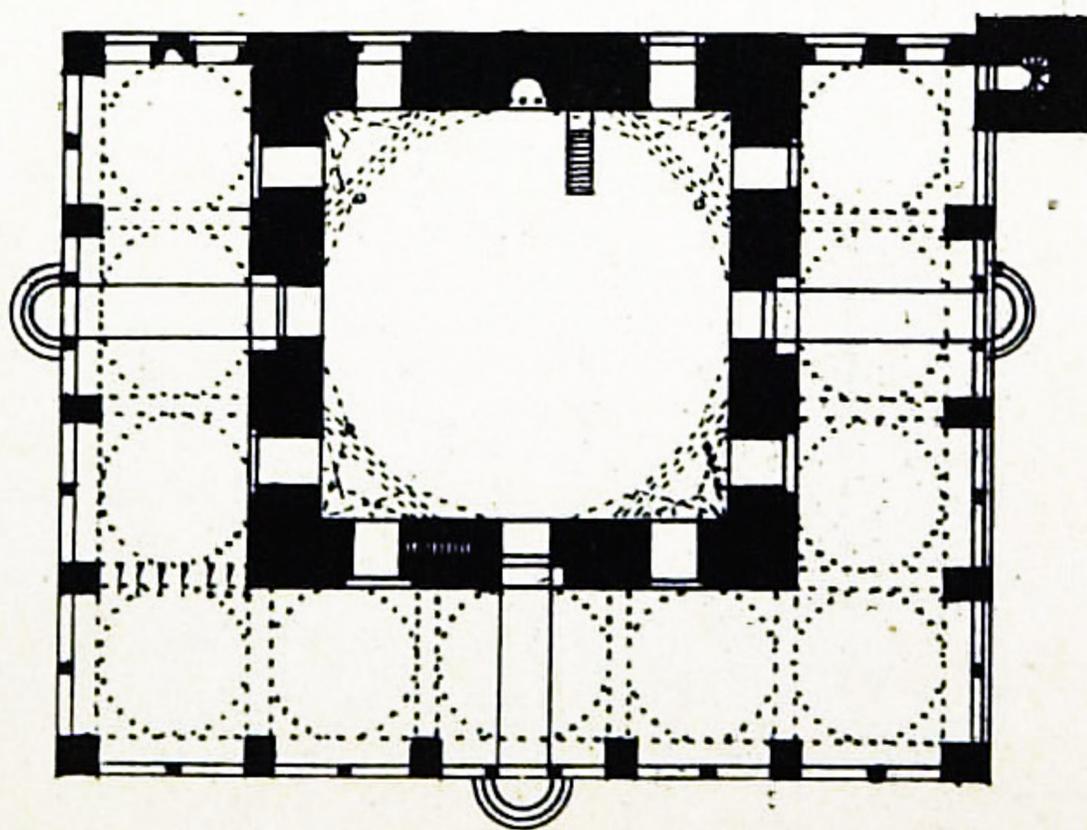
6) Джума-мечети, отъ جمعة - пятница, въ которыхъ совершается особый пятничной (т. е. праздничной) намазъ, соотвѣтствуютъ нашимъ соборамъ. Раздѣленіе мечети (нѣм. „Moshnen“ на два рода „Mesdschid“ и „Djami“, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ трудахъ по архитектурѣ (напр. *R. Büsch*. Die Baustylen, S 38) не соотвѣтствуетъ, кажется, Туркестанскимъ условіямъ; какъ приходскія, такъ и соборныя мечети, а также мечети при учрежденіяхъ (ханава; обыкновенно называются просто مسجد (масжидъ). Тоже въ Индіи, суди по газетнымъ описаніямъ послѣдняго посѣщенія афганскимъ эмиромъ „джума-мечети“ въ Пешаверѣ.

91
Фиг. 2.

Планъ Кордовской мечети. (По Гиндигу: „Ист.
Искус.“ т. I стр. 399.)

Фиг. 3.

Мечеть Сунанъ-Пламъ возлѣ Каифа. (По Fr.
Pascha: „Die Baukunst des Islam.“ S. 110).

закрытая часть около михраба¹⁾, также подверглась измѣненію, и сходство съ арабскими ограничивается общимъ очертаніемъ плана (дворъ). Но интересно, что самая примитивная мечеть какого-нибудь маленькаго кишлака напоминаетъ переднюю часть раннихъ мечетей. Это обыкновенно нехитрый сарайчикъ, съ плоской крышей, покоящейся на трехъ стѣнахъ и нѣсколькихъ столбикахъ на сторонѣ, противоположной киблѣ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ своемъ распоряженіи плановъ индійскихъ мечетей, но, судя по описаніямъ и фасадамъ можно предположить, что арабскій „дворъ“ удержался и при мощномъ вліяніи буддійской культуры²⁾.

Какъ можно думать, этотъ типъ мечетей почти исключительно описывается въ архитектурѣ ислама, притомъ не только въ районныхъ изслѣдованіяхъ, въ родѣ „Каирскихъ мечетей“ *Prisse d' Avennes'a*, но и въ трудахъ болѣе общаго характера, какъ „Die Baukunst des Islam“ *Frans-Pashh'u*, только потому, что съ нимъ европейцы могли познакомиться равнѣе и лучше, чѣмъ съ другимъ (см. ниже)

Не удивительно поэтому, что въ 1821 г. англійскій историкъ мусульманскаго Востока *D. Price*, на основаніи неяснаго описанія персидской хроники³⁾, также представлялъ себѣ планъ Туркестанской мечети „четыреугольникомъ, съ большимъ порталомъ на сторонѣ, обращенной къ Меккѣ (?); по угламъ ея расположены четыре постройки (pavilion), соединенныя колоннадой, а могила шейха помѣщена въ центрѣ четырехугольника“. Это описаніе почти подходило бы къ древне-арабскому сооруженію, но оно далеко, какъ увидимъ ниже, отъ дѣйствительности.

1) Прослѣдить это измѣненіе, связанное съ уничтоженіемъ колоннъ, представляетъ интересную историко-архитектурную задачу, разрѣшеніе которой пока затрудняется не только тѣмъ, что Туркестанскія мечети не обращали на себя архитектурнаго вниманія, но и тѣмъ, что, кажется, не имѣется чертежей нѣкоторыхъ важныхъ по значенію персидскихъ памятниковъ. И пр. мечети, передѣланной изъ *Дарбекирскаго* дворца Сассанидовъ, о которой упоминаетъ *Lübke*, стр. 58, и старой *Казвинской* мечети, которой нѣтъ даже у *Gayet*.

2) См. напр. рис. большой Делійской мечети *Джеханъ-Шаха* на стр. 293 соч. *Lübke*. *Джеханъ-Шахъ*, пятый изъ великихъ моголовъ Индіи, прославился въ архитектурѣ возстановленіемъ Дели послѣ разрушенія, произведеннаго нашествіемъ Тимура [конецъ XIV в.]. Царствовалъ въ 1628—1643 [?] годахъ. *Бартольдъ*, „Мусульманскія династїи“, стр. 274—275.

3) По *Мирхондовской Разетъ-ус-сефа* подъ 799 [1397] годомъ. „*Chronological Retrospect*“, vol III, part I, стр. 218.

Планы мечетей, принятые на Востоке, преимущественно в Персии.

Планъ открытой постройки мечетей былъ не единственный. Вотъ что говорилъ по этому поводу давно уже Ленорманъ:

„Этотъ типъ почти открытой мечети, состоящей изъ большого двора, окруженнаго портиками, былъ оставленъ только тогда, когда мусульмане начали подражать византійскимъ купольнымъ церквамъ (Св. Софія), а это стало необходимымъ, когда исламъ изъ своей родины съ ея почти всегда яснымъ небомъ и чрезвычайно рѣдкими дождями, распространился въ мѣстахъ холодныхъ и дождливыхъ“¹⁾. Любке и другіе ученые самостоятельное существованіе второй, византійской формы мечетей, также считали несомнѣннымъ: „Вторая форма, возникшая въ восточныхъ странахъ ислама, очевидно подражаетъ византійскимъ образцамъ“²⁾.

Но всѣ они по времени могли говорить почти исключительно о турецкихъ постройкахъ; новѣйшіе же авторы, хотя и отмѣчали въ планахъ другихъ странъ византійскія черты, но видимо, не располагали для этого достаточно характерными планами и потому не производятъ столь рѣдкаго разграниченія³⁾.

Вопросъ—во времени этого вліянія.

Несомнѣнно, что цѣлый отдѣлъ мусульманской архитектуры, а именно зодчество османскихъ турковъ послѣ взятія Константинополя (1453 г.) представляетъ прямое подражаніе великому сооруженію Юстиніана (ориг. 4)⁴⁾ Мечети Египта послѣ

1) Тамъ-же стр. 102.

2) Любке, g. d. A. R., 276. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по исторіи архитектуры магометанскіе стили разсматриваются въ промежуткѣ между древне-христіанскимъ зодчествомъ (базилика, византійскія формы) и средневѣковымъ (романскій стиль, готика) на томъ основаніи, что мусульманскіе стили возникли на основѣ древне-христіанскихъ преимущественно византійскихъ.

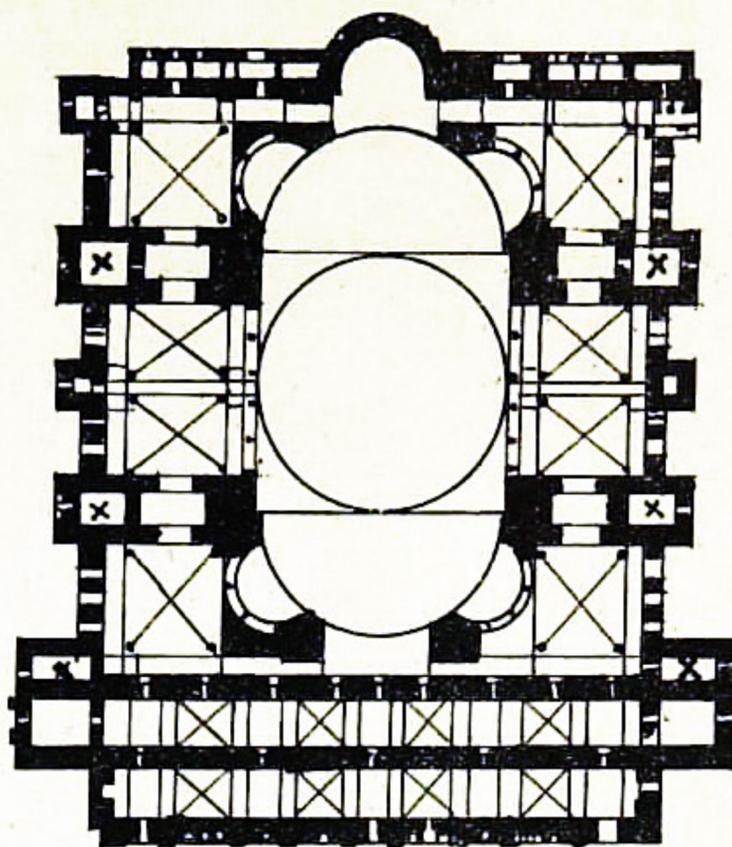
Утвержденіе намъ кажется не совсѣмъ правильнымъ, т. к. не говоря уже о томъ, что исламъ встрѣтился не съ одними христіанскими постройками; самое раннее византійское вліяніе [въ первые два вѣка гиджры] выразилось скорѣе въ деталяхъ: каинтели мечети Амру и отдѣльные купола мечетей Тулуна и Кордовы; наиболѣе-же существенная часть, планъ, была принята не ранѣе XIV в. (см. ниже.)

3) См. напр. у Fr. Pasch'u стр. 67 и 112.

4) Знаменитый храмъ св. Софіи, премудрости Божіей, какъ извѣстно,—сооруженъ въ 532—587 г.г.

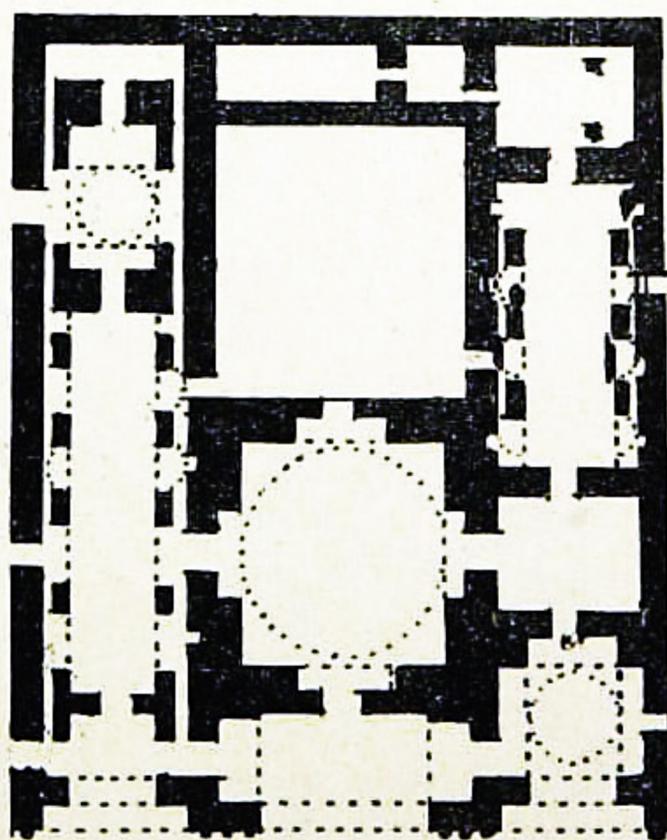
100

Фиг. 4.

Планъ Св. Софіи Константинопольской.
(По Е. Ф. v. Sacken: „Katechismus der Baustyle“, s. 56).
Крестами отмѣчены лѣстницы по Buschy.

Фиг. 5.

*Планъ дворца въ Серуистанъ (По А. Gayet: „L'artpersan“
р. 102).*

завоеванія его турками въ 1517 г. также зачастую строились по византійскому типу, а до этого времени византійскій планъ встрѣчается лишь изрѣдка. Таковы: египетская мечеть *Синаз-паша* 1468 г (фиг. 3),¹⁾ Бруская (въ Малой Азіи) 1420 г.,²⁾ а можетъ быть и Исникская мечеть 1373 г.³⁾

Характерной чертой византійскаго плана мечетей служить сосредоточенное расположеніе (нѣм. „Centralbau“) всѣхъ помѣщеній около средней части, которая закрывается куполомъ. Купольное покрытие употребляется и надъ боковыми частями, но такъ, что этимъ нисколько не нарушается доминирующа⁴⁾ значеніе середины; все зданіе какъ бы напоминаетъ „единство Царя Небеснаго и единовластіе Его земного представителя, византійскаго императора“⁵⁾.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ Византіи только расцвѣла та идея, которая существовала и раньше. Близкое сосѣдство Византіи съ государствомъ Сассанидовъ, конечно, не осталось безъ взаимодѣйствія между этими странами въ архитектурѣ, какъ и въ другихъ областяхъ.

Обыкновенно принято находить происхожденіе византійскаго плана въ римской архитектурѣ⁶⁾; на сассанидскихъ же памятникахъ отмѣчаются только незначительныя подробности византійскаго характера⁷⁾. *Lubke* (1870 г.) находитъ сходство между сассанидской и византійской архитектурами болѣе глубокимъ, но считаетъ вліяніе идущимъ съ запада,⁸⁾ можетъ быть, потому

1) *Fr. Pascha*, стр. 110.

2) Представлена въ превосходномъ изданіи *Z. Parville*: „Architecture et décoration turques au XV siècle“. Paris 1874. Планъ въ родѣ Тавриской мечети суннитовъ (фиг. 7).

3) Плана этой мечети намъ не приходилось встрѣчать, но объ этомъ можно судить потому, что начиная съ нея *Fr. Pascha* считаетъ „проникновеніе византійскаго центрального купола въ османскую архитектуру“. Тамъ же стр. 7.

4) Позволяемъ себѣ употребить этотъ галлицизмъ вмѣсто русскаго „господствующее“, т. к. „dome“ по французски, какъ извѣстно, какъ разъ обозначаетъ куполь.

5) Едвали не съ академической кафедры услышано нами это удачное опредѣленіе сущности византійскаго храма.

6) *Н. В. Султановъ*. Конспектъ исторіи архитектуры. 1904 г. Литограф. курсъ Николаевской Инженерной Академіи, стр. 57.

7) Какъ, напримѣръ, византійскія трапецевидныя капители: *Othmar* и *Lechner*, „Lehrbuch der Baustyle“; Wien Band I, S. 12. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ своемъ распоряженіи IV тома сочъ Магометанск. водчество.

8) Тамъ же, стр. 57. „Aber in der gliederung und Anordnung des ganzen und mehr noch in der Ueberdeckung der Räume tritt ein neues Prinzip hervor, dessen Ursprung aus den Bauten der Römer und wohl auch der Byzantiner abzuleiten ist.“

что ему не были известны позднѣйшіе изслѣдованія, которыми пользовались *Fr. Pascha* и особенно *Gayet*. Замѣтимъ, что римскіе купола въ большинствѣ построены надъ круглыми помещеніями (пантеонъ).

Fr. Pascha (1887 г. говоритъ о значительномъ вліяніи въ обратномъ направленіи,¹⁾ т. е. персидской архитектуры, на византійскую, а въ „*L'art persan*“ *Gayet*, изданномъ черезъ 8 лѣтъ послѣ предыдущаго труда, встрѣчаются очень интересныя староперсидскіе планы, напоминающіе намъ какъ св. Софію Константинопольскую, такъ и нашу Туркестанскую мечеть.

Не претендуя на какіе-нибудь выводы отсюда, будемъ продолжать передачу впечатлѣній такъ, какъ они сложились у насъ подъ вліяніемъ тѣхъ немногочисленныхъ сочиненій, которыя были прочитаны нами по поводу Туркестанскаго памятника.

Развитіе персидской архитектуры, однимъ изъ представителей которой былъ Ходжа-Хусейнъ Ширазскій, построившій Туркестанскую мечеть,²⁾ въ общихъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Послѣ архитравнаго (плоскаго) покрытія ахеменидскаго періода, приблизительно около времени Арзакидовъ, персидская архитектура вырабатываетъ сводъ,³⁾ одно изъ раннихъ примѣненій котораго *Gayet* указываетъ во дворцѣ *Natra*, построенномъ около III в. до Р. Х.⁴⁾; сводчатаго характера остается и сассанидская архитектура, достигшая къ послѣднему періоду (Тагъ-Эйванская галлерей) блестящихъ успѣховъ въ технику (ребристая конструкція.) Почти полное отсутствіе храмовъ въ древнемъ маздеизмѣ⁵⁾

¹⁾ Тамъ-же, стр. Вѣрно. Какъ можно думать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сочиненія, *Fr. P.* считаетъ византійскій куполъ родственнымъ персидскому, но собственно плановъ этотъ солидный трудъ содержитъ немного.

²⁾ Надпись по карнизу, разобранна въ 1865 г. *Бекчуринимъ*. „Туркестанская область“, Казань 1872, стр. 54. Ни въ трудѣ *Лерха* („Археологическая повѣдка въ Турк. край въ 1847 г. Сиб. 1870, стр. 15-23), ни въ „надписяхъ мечети Ахмеда Яссави“, издаваемыхъ *Ш. Н. Ахмеровимъ* въ т. XII Изв. О. А., И и Э. при Каз. Уп., стр. 530 (при содѣйствіи нашего уважаемаго члена, *А. А. Диваева*) надпись по карнизу не помещена. Въ настоящее время карнизъ сильно разрушенъ и скоро нельзя будетъ разобрать и того, что разобралъ *Бекчуринимъ*. Дагой заложения мечети принимаемъ осень 1897 г., согласно *В. В.*: „Историческая справка“. Турк. Вѣд. 1906 г. № 93.

³⁾ Самостоятельно или нѣтъ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ на Востоку техника свода достигла значительныхъ успѣховъ уже въ Ассиріи. (Каналы Хорсабадскаго дворца; *Leitner*, стр. 8.)

⁴⁾ Характеренъ простѣйшій (коробовый) сводъ надъ древнимъ [колоннымъ] типомъ плана.

⁵⁾ Этотъ культъ не былъ связанъ съ храмомъ; прежніе атраваны (жрецы)... носили съ собой переносные огненные алтари, чтобы въ любомъ мѣстѣ имѣть возможность отправлять службу богу: *Д. П. Шантепъ-де-ла Соссе*, II стр. 198. Немногочисленные развалины жертвенныхъ мѣстъ, описанныя въ ар-

сосредоточило главное вниманіе архитектуры на царскихъ дворцахъ (чѣмъ она и отличается отъ другихъ), а ореоль величія, окружавшій персидскаго „царя царей“, заставилъ выработать особый типъ залы для аудіенцій (арáдана), перекрывавшейся при сассанидахъ (Ктезифонскій дворець, фиг. 6)¹⁾ грандіознымъ сводомъ характерной эллиптической формы.²⁾

Любке, кажется, согласенъ считать получившійся благодаря этому величественный порталъ ни фасадъ прототипомъ входной арки, привившейся въ архитектурѣ ислама³⁾.

Не отсюда ли то явное пристрастіе къ грандіознымъ порталамъ, которое неоднократно выказывалъ Тимуръ? Вотъ что читаемъ по этому поводу у *Клавихо*: „Мечеть, которую царь приказалъ поставить въ честь матери своей жены Каньо, была самою важною во всемъ городѣ. Когда она была окончена, царь остался недоволенъ *передней стѣною*, которая была *слишкомъ низка*, и приказалъ ее сломать⁴⁾“.

Въ Кешскомъ дворцѣ его были также „длинный входъ и очень высокія ворота“.⁵⁾

Купольное покрытие квадрата и сосредоточенное расположеніе плана, приближающееся къ византійскому, было принято уже въ раннюю эпоху *Сервистанскаго* дворца (около III в. до Р. X. фиг. 5)⁶⁾.

интектурѣ, кажется, не дасть и намекъ на ту „совершенно темную комнату“ позднѣйшихъ храмовъ, о которой говоритъ далѣе Ш. д. л. С. и которая, пожалуй, породила нашу темную постройку съ ея національными предшественниками по религіозному культу. О колодцѣ и котлѣ для сравненія см. тамъ же, ст 199.

¹⁾ Хозроя I Анушарвана (531—578 г.г.).

²⁾ Въ отдѣльной „Арáдана“ царь являлся только для приѣмовъ; въ дворцахъ для жилья (Фиррузъ-Абадъ) то-же сводчатое перекрытіе входа и образное начертаніе передней части.

³⁾ g. d. A., стр. 57; точнѣе можетъ быть — въ архитектурѣ мусульманской Персіи, т. к. ранніе порталы Египта, приведенные у *d'Avennes* носятъ скорѣе древне-египетскій характеръ (массивные прямоугольные колонны, превышающіе перемычку входа). Можетъ быть, то же имѣлъ въ виду и *Sacken* (стр. 67).

⁴⁾ Постройка мечети въ Самаркандѣ. „Жизнь и дѣянія Великаго Тамерлана“ ред. *Срезневскаго*, Спб. 1881 стр. 319.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 234. Оставивъ, быть можетъ, не безъ вліянія своихъ персидскихъ совѣтниковъ величественный порталъ для своихъ монументальныхъ сооружений, Тимуръ видимо чувствовалъ себя воль отню только въ привычной обстановкѣ степняка: зачастую праздники и приѣмы устраиваются у него въ палаткахъ (павильонъ“ *Клавихо*), но и здѣсь можно отмѣтить особенно любовь къ наряднымъ дверямъ (стр. 306). Можетъ быть, роскошная отдѣлка деревянныхъ туземныхъ дверей этой эпохи, отмѣченная *Martin'омъ* (*Führer als Firkestem, stockholm, 1897*) находитъ объясненіе въ томъ, что единственной крупной поверхностью, допускавшей рѣзьбу, издавна была дверь въ портъ каприза.

⁶⁾ По *Gayet*, стр. 94; *Lübke* считалъ это сооруженіе позднѣйшимъ. Еще болѣе сосредоточеннаго характера, но безъ центрального купола, планъ болѣе поздняго *Рабатъ-Аммонскаго* дворца.

Но достаточно опредѣлившись ко времени арабскаго нашествія персидскій планъ видимо не удовлетворяетъ завоевателей, которые приносятъ съ собой планы мечети перваго (Меккскскаго) типа.¹⁾

Меккскій планъ не только безраздѣльно господствуетъ въ первые два вѣка (VII и VIII) гиджры, когда Персія еще подчиняется Багдадскому халифату, но преобладаетъ и послѣ арабскаго паденія, при расцвѣтѣ зодчества у Газневидовъ (X и XI в.), удерживается при тюркахъ Сельджукахъ (XI и XII в.) и монголахъ Чингисхана (XIII в.) и послѣ упадка, вызваннаго реквизиціями Тимура, возрождается въ блестящія времена Сесревидовъ²⁾ (XVI и XVII в.) и доходитъ до нашего времени.³⁾

За этотъ долгій промежутокъ времени персидская архитектура не разъ подвергается вліянію чужеземныхъ культуръ, какъ то: индійской при *Газневидсахъ*⁴⁾ и китайской при *Хулагу*, который, кажется, повровительствовалъ архитектурѣ по манерѣ Тимура и въ 1264 г. насильственно переселилъ въ Персію китайскихъ мастеровъ.⁵⁾

Но эти вліянія, какъ можно думать, врядъ-ли шли далѣе орнаментики и, можетъ быть, нѣкоторыхъ конструктивныхъ приемовъ. Основа зданія, какъ выражаются нѣмцы „Gründtorm“, выработывается въ значительно бблшій промежутокъ времени, чѣмъ тотъ, какой занимали на аренѣ персидской исторіи Газневиды—и Чингизиды. Поэтому не удивительно, что старая архитектурная традиція пробивается уже при халифахъ, когда еще совершенно арабскій дворъ мечети получаетъ „византійскій“ отпечатокъ, благодаря тому подчеркиванію внутренняго междуколоннаго пространства, о которомъ *Gayet* говоритъ:

1) Приведенъ у *g.*, стр. 114. Лишь очень рѣдко, вѣроятно, можно было воспользоваться для мечетей старыми сассанидскими дворцами, чуть-ли не единственный случай (Діарбекаръ) отмѣченъ у *Lübke* [стр. 58].

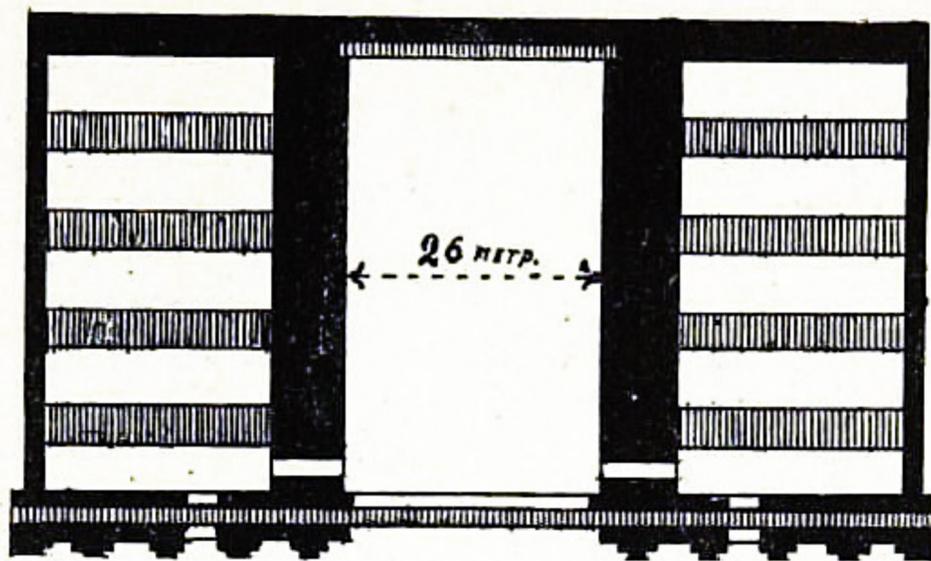
2) Расцвѣтъ искусства въ этотъ періодъ коснулся преимущественно другихъ вѣтвей его; въ архитектурѣ же развилась пышная декоративная сторона.

3) Отъ ранней эпохи мусульманскаго строительства въ Персіи памятниковъ почти не осталось, но сохранившаяся (по крайней мѣрѣ до 90-хъ годовъ) старая Испанская мечеть (построена въ 755 г. халифомъ Мансуромъ) и описанія современниками газневидскихъ и сельджукскихъ мечетей, приведенныя у *Gayet*, говорятъ, что это были все тѣ-же „дворы“.

4) Знаменитый Махмудъ Газневидскій, какъ известно, завоевалъ Индію въ 1001—1026 гг., откуда возвращался „нагруженный драгоценной добычей изъ индусскихъ храмовъ Сомната и Муттры“—*Бартольдъ*, Мус. Дин., стр. 244.

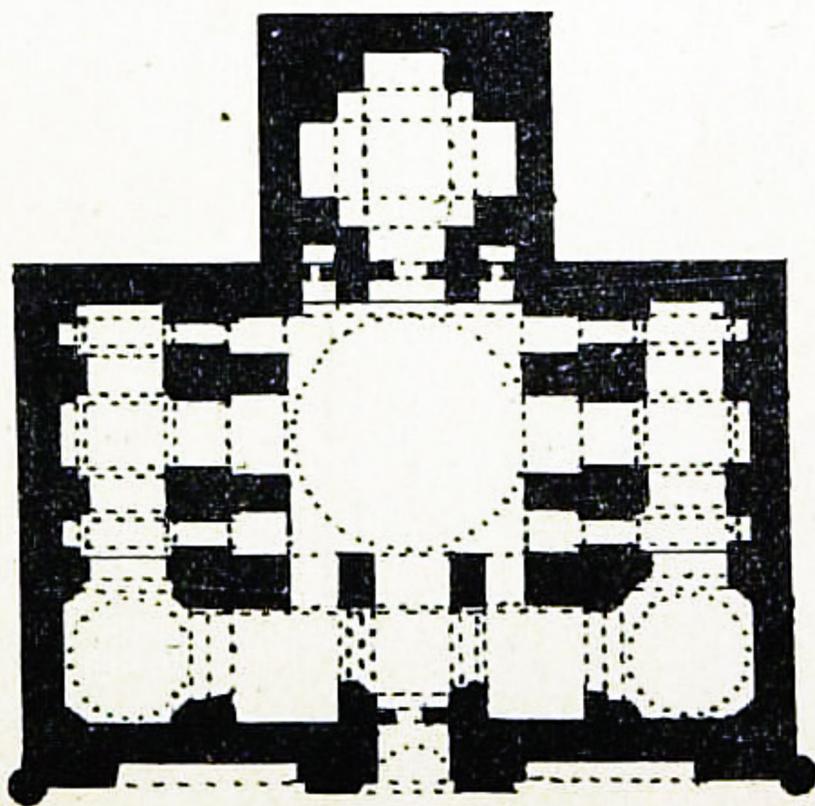
5) *Gayet*, 138. Хулагу съ 1256 г. основалъ персидскую династію Чингизидовъ, которая еще признавала какую-то ленную зависимость отъ далекихъ китайскихъ кагановъ. *Б.*, стр. 181. Памятниковъ ранняго китайскаго вліянія VII и VIII в. [дин. Танъ] въ средне-азиатской архитектурѣ, кажется, не отмѣчено

Фиг. 6.

*Планъ дворца Хозроя I въ Етезифонъ
(по А. Gayet, р. 105.)*

Фиг. 7.

*Суннитская мечеть въ Тавризъ (по А. Gayet
р. 157)*

«Ce n'eût été là, d'ailleurs, qu'un thème bysantin, dont on retrouve nombre d'exemples dans les mosquées construites par El Ouahid»¹⁾

Это новое, или, может быть, правильнее—возобновившееся, направление (2-й тип) обрисовывается въ раннихъ куполахъ могилъ VIII вѣка,²⁾ а когда старая культурная Персія падаетъ подъ власть турковъ и монголовъ, то получаютъ особенное развитіе тѣ архитектурныя формы (куполь и связанный съ нимъ сосредоточенный плавъ), которыя отвѣчаютъ какъ древнимъ традиціямъ аборигеновъ страны, такъ и вкусу кочевника, породнившася со юртой³⁾ и знакомаго съ красотой и величіемъ открытаго небеснаго свода. Такимъ образомъ въ купольной могилѣ чингизида *Ульжэйтю*⁴⁾ 1320 г. *Gayet* можетъ отмѣтить переходъ отъ круглаго плана раннихъ могилъ къ квадрату, что требовало уже большихъ познаній въ технике свода (паруса).

Эволюція плана мечетей, какъ можно думать, шла медленно и ко времени взятія Тимуромъ Ширази (1387 г.), гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ строитель Туркестанской мечети, она еще не подвинулась настолько, чтобы уничтожить открытую середину первоначальнаго типа. Зодчество Тимура *A. Gayet* относитъ именно къ этой переходной эпохѣ, и первую мечеть съ закрытой по византійскому образцу серединой у него значится суннитская мечеть въ Тавризѣ (фиг. 7), построенная *Джеханъ-Шахомъ* (стр. 136),⁵⁾ т. е. не ранѣе 1437 г.

¹⁾ Омейядскій халифъ Валидъ I царствовалъ въ Дамаскѣ съ 705 по 715 г. Подвергаясь, по мнѣнію *Gayet* (а также *Sacken'a*), византійскому влиянію, равняя арабская архитектура въ свою очередь вліяла на Византію; *Васильевъ* упоминаетъ о постройкѣ имп. Теофиломъ дворца на берегу Босфора по образцу возведеннаго халифомъ Мамуномъ (813—833) въ Багдадѣ („Византія и арабы“, Сиб. 1900, стр. 17).

²⁾ Могилы въ Реи. До осени 1896 г. при Туркестанской мечети существовалъ отдѣльный маваръ (надгробная постройка) „въ видѣ круглой башни съ зеленымъ куполомъ“, по описаніямъ вполне сходный съ той могилой въ Реи, которая изображена на стр. 149 труда *Gayet*. Свѣдѣнія объ этомъ интересномъ сооруженіи, неслучайно виднѣющемся на стр. 80 путешествія *Henri Moser'a* 1883 г. („A travers l'Asie centrale“, 1885) намъ любезно сообщены лицами, еще заставшими его и предполагаются быть обработаны отдѣльно.

³⁾ Еще *Макшеевъ*, много путешествовавшій по степи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, обратилъ вниманіе, что встрѣчавшіяся ему въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи большія киргизскія могилы („тамъ“) „большою частью устраиваются въ видѣ киргизской кибитки.“ (Путеш. по киргизскимъ степямъ и Турк. краю, Сиб. 1896 стр. 189. Также *Диваевъ*: „Нѣсколько словъ о могилахъ святаго *Хорхутъ-ата*“. Зап. В. Отд. И. Р. А. О т. X. стр. 194.)

⁴⁾ Монгольскій ханъ въ Персіи 1304—1316 г.

⁵⁾ Туркестанской династіи Каракоювлы, царствовалъ въ Азербейжанѣ съ 1437 по 1467 г. (*Бартольдъ*, стр. 214.)

Какъ видно изъ плана Туркестанской мечети (фиг. 8), та-же архитектурная эпоха была завершена самимъ Тимуромъ на 40лѣтъ раньше. Къ сожалѣнiю, мы не имѣли въ своемъ распоряженiи изданiй, которыя-бы въ должной мѣрѣ касались зодчества Тимура. *Gayet* говоритъ о немъ въ очень немногихъ словахъ и помѣщаетъ всего одинъ или два фасада все того-же *Гуръ-Эмира*, которому потомъ и такъ повезло въ роскошномъ изданiи Имп. археолог. Комиссiи. Въ солидномъ обзорѣ мусульм. архитектуры *Fr. Pasch'u* о памятникахъ Тимура не упоминается вовсе, не говоря уже о *Lübke* и другихъ сочиненiяхъ болѣе ранняго времени. *Martin'омъ* изданы исключительно предметы внутренняго убранства и орнамента, такъ что неизвѣстно, почему онъ считаетъ архитектуру Тимура находившейся „почти исключительно подъ влiянiемъ персидскихъ и китайскихъ образцовъ“ („*Samml.*“, S. 11); на нѣкоторую поспѣшность выводовъ его намекаетъ и то обстоятельство, что *Гуръ-Эмиръ* онъ называетъ построеннымъ „въ чисто персидскомъ стилѣ“ (стр. 6), тогда какъ именно въ этой постройкѣ изданiемъ Археолог. Комиссiи отмѣчены своеобразныя китайскiя бумажныя пальметки.

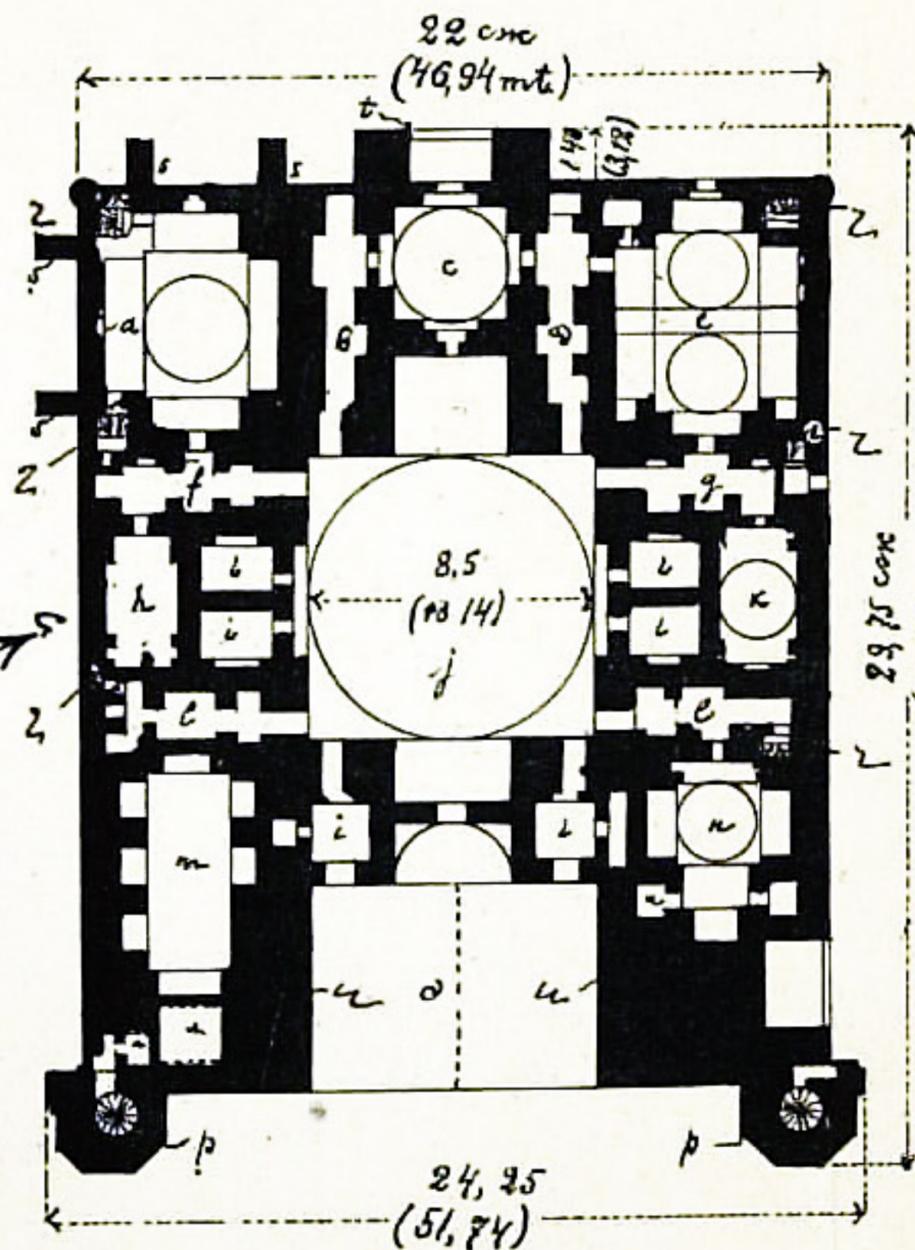
Разбросанныя по путеводителямъ, а также собранныя въ Ташкентскомъ музеѣ фотографiи, какъ и изданiя вроде *С. А. Лапина*: „Переводъ надписей на историческихъ памятникахъ г. Самарканда, 1895 г., съ фотографiями *Панкратьева*“ для изученiя *плановъ* могутъ дать очень немного. Поэтому съ осторожностью только можно думать, что изъ Самаркандскихъ памятниковъ 2-й типъ плана, но не въ столь чистой формѣ, какъ въ Туркестанѣ, можно искать скорѣе въ мавзолеяхъ *Шахъ-Зинда*; большiя же мечети Улугъ-бека, Ширъ-даръ, Тилля-кари, кажется всѣ относятся къ 1-у типу, какъ и почти совершенно разрушенная сверстница Туркестанской мечети — *Биби-ханымъ*.

Остается ожидать описанiя Туркест. мечети, предпринятаго Русскимъ Комитетомъ по изученiю Азiи (№ 6 „Извѣстiй“ Комитета за 1906 г.); но судя по примѣру *Гуръ-Эмира*, позволимъ себѣ пожелать, чтобы кромѣ такихъ-же роскошныхъ иллюстрацiй, новый вкладъ въ исторiю мусульманскаго искусства былъ снабженъ пояснительнымъ текстомъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ *Гуръ-Эмиръ*.

Планъ мечети надъ могилою
Хазрета-Ходжи Ахмеда Яса-
вийскаго въ г. Туркестанъ.

Фиг. 8.

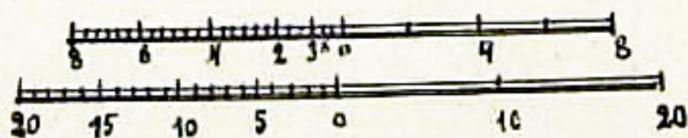
ЛЕТЕЖДА:

- а-михрабъ малой мечети
- б-корид., „зиаратъ хана“
- в-могила святого
- г-кор. Абдуль-хайр хана
- д-дальшой „Акъ-сарай“
- е-кор. Абдаровъ хана
- ж-кор. въ акъ-сарай
- з-хитодъ хана
- и-кельи (художри)
- к-казанлыкъ
- л-малый „Акъ-сарай“
- м-коридоры
- н-м-галимъ хана
- о-колодець
- п-пештакъ
- р-м-миноретты
- с-р-лестницы
- т-контаръ форсы 1884 г.
- у-придѣлка Бакыръ-хожи
- ф-у-неислѣдованная мѣста.

Масштабъ $\frac{1}{672}$

Сажени
Metres

Уменьшилъ съ плана, снятаго въ 1884 г.
А. В. Пегонкинъ, В. Инженеръ С. Малицкий.

III. Особенности плана Туркестанской мечети.

Изложенными данными мы позволили себѣ затруднить вниманіе членовъ Археологическаго Клуба для поясненія, какъ мы понимаемъ планъ Туркестанскаго памятника, но глубоко сожалѣемъ, что именно на наши скромныя силы выпала задача говорить о зданіи, столь краснорѣчивомъ въ историко-архитектурномъ отношеніи.

Общій видъ. Это несомнѣнно 2-й типъ мечетей (сосредоточенный, *византійскій*). Можетъ быть, присутствующіе въ настоящемъ собраніи увидятъ въ планѣ (фиг. 8)¹⁾ болѣе византійскаго, чѣмъ въ позднѣйшей Тавризской мечети суннитовъ (фиг. 7) или въ Каирской мечети Синанъ-паши (фиг. 3), т. е. въ памятникахъ, которые считаются характерными представителями архитектуры ислама, отмѣтившими новую эпоху.

Мы имѣли случай слышать отъ уважаемаго *В. С. Гейнцельмана*,²⁾ что онъ считаетъ планъ Туркестанской мечети „несомнѣнно византійскимъ“. Да и дѣйствительно, многочисленные отличія:—отсутствіе боковыхъ колоннадъ по сторонамъ центрального пространства, отсутствіе прилегающихъ полукуполовъ, иная конструкція самого купола, не говоря уже о порталѣ съ минаретами (взамѣнъ христіанскаго нартекса) и рубчатомъ куполѣ надъ гробницей на мѣстѣ алтарной абсиды, дѣлаютъ только на первый взглядъ такую параллель парадоксальной.

Не имѣя передъ глазами плана обоихъ зданій, не мудро-но просвѣщенному посѣтителю Туркест. мечети совершенно не вспоминать о великой представительницѣ христіанства (Св. Софія).

Можетъ быть, главный признакъ, сближающій оба плана (сосредоточенный купольный типъ) и не ускользаетъ отъ вниманія, но указанные выше отличія, а главнымъ образомъ совер-

¹⁾ Предлагаемый чертежъ уменьшенъ нами, съ незначительными локальными вѣдѣніями, съ плана, снятаго въ 80-хъ годахъ инженеромъ *А. В. Печенкинымъ* которому пользуемся случаемъ выразить глубокую благодарность за сообщенныя свѣдѣнія.

²⁾ Объ осмотрѣ Туркестанской мечети, произведенномъ весной 1906 г. по порученію Г. Туркестанскаго Генераль-Губернатора, инженеромъ *В. С. Гейнцельманомъ* см. протоколъ Турк. арх. кружка № 1 за 1906 г.

шенно другая обстановка, окружающая излюбленную киргизами степную мечеть, заслоняют архитектурную идею здания.—Отметим пока, кроме купола въ центрѣ, явственное расчлененіе массъ на 6 отдѣльныхъ частей¹⁾; даже мѣста и число лѣстничныхъ клѣтокъ находятъ соотвѣтствіе въ Св. Софіи.²⁾

Но мы не даромъ заключили въ кавычки выраженіе „византійскій типъ“, поставленное въ началѣ главы. Основной размѣръ центральнаго купольнаго пространства (8,5 саж.), выдержанный въ пролетѣ портала, придаетъ плану характерную п—образную форму. Это обстоятельство, не говоря уже о самомъ порталѣ, сближаетъ въ нашихъ глазахъ Туркестанскій памятникъ съ Фирузъ-Абадскимъ и Ктезифонскимъ (фиг. 6) дворцами, а слѣдовательно и съ первоначальной „арадан'ой“ персовъ.

Порталъ Очень интересенъ грандіозный порталъ Туркестанской мечети, равняющійся съ шишкой главнаго купола. Здѣсь, можетъ быть, не лишнее напомнить о любви Тимура къ величественнымъ входамъ³⁾, которые обыкновенно называются персидскимъ словомъ **پیشطاق** — *пештакъ*, передній сводъ.⁴⁾ Очевидно, конецъ этого названія перешелъ въ архитектурныя сочиненія европейцевъ въ формѣ *tauk*.

Очертаніе стрѣлки Туркестанскаго портала въ архитектурѣ считается типичнымъ для Персіи, но отъ своихъ тавризскихъ и самаркандскихъ собратій нашъ порталъ рѣзко отличается тѣмъ, что прямоугольная рамка, обрамляющая его съ боковъ, не за-

1) Кроме средней.

2) Судя по плану, помѣщенному у *Busch'a*, ч. II стр. 25.

3) О значеніи портала при мечетяхъ такъ говоритъ Viollet-le-Duc: „Сe-porche, (о Шахской мечети въ Испагани) ou plutôt cette ouverture énorme qui laisse entrer l'air et la lumière dans la partie centrale de la mosquée, est comme le signe visible de l'idée que le Musulman se fait de la divinité unique qui a pour sanctuaire l'univers, qui réside partout et nulle part“. („Entretiens sur l'architecture“, Paris 1872, t. II p. 205). Но по сопоставленіи съ позднѣйшими изслѣдованіями персидскихъ памятниковъ, фактомъ присутствія аналогичныхъ порталовъ во дворцахъ (Кешскій), въ караванъ-сараяхъ и пр., и сложностью плана восточныхъ мечетей оставляемъ за пештакомъ старинную идею свѣтскаго величія. Слова Viollet-le Duc'a могутъ быть скорѣе отнесены къ самой основѣ мусульманскаго водчества (планъ раннихъ мечетей), чѣмъ къ пештакамъ, которыхъ нѣтъ ни въ древне-арабскихъ, ни въ турецкихъ мечетяхъ.

4) Туркестанскій шейхъ написалъ намъ **پیشطاق** по свойственной привычкѣ нашихъ сартовъ передѣлывать персидское **پ** на арабское **ف** и замѣняя твердое **ط** мягкимъ **ت**. По значенію, съ пештакомъ сходно „*tactabosch*“ дворцовъ мусульманской Индіи, которому въ архитектурныхъ трудахъ приписывается другое значеніе. (Franz Pascha, стр. 132). Объ этихъ архитектурныхъ терминахъ, а равно о сближеніи **پیشطاق** а съ арадан'ой *Dieulafoy*, желательно—бы разъяснили специалисты.

канчивается наверху горизонтальной линіей, оставляя замокъ арки какъ бы вонзающимся въ воздухъ.

Чтобы объяснить это? Стрѣльчатой арке въ мусульманской архитектурѣ *Gayet* склоненъ придавать какое-то особенное значеніе; находя уже въ послѣднихъ Сассанидскихъ постройкахъ независимое появленіе того направленія, которое позднѣе выразилось въ готикѣ, онъ приписываетъ *тюрмамъ* какую-то особенную склонность къ этой мистической, безпокойной формѣ, пробивающейся въ могилахъ *Рей* и *Ульжсейту* черезъ занесенный арабами архитравъ. Но большинство изслѣдователей не придаютъ исламской стрѣлкѣ такого радикальнаго значенія; скорѣе у *арабовъ* отмѣчается этотъ безпокойный духъ, выразившійся въ прихотливой ломкѣ сводовъ; но и они слишкомъ мало были конструкторами, чтобы понимать статику ребристой системы.

Можетъ быть, вопросъ разрѣшается просто; можетъ быть, Туркестанская мечеть не была достроена даже въ этой существенной части. На недостройку намекаютъ верха минаретовъ, не имѣющіе обычныхъ (въ Персіи) крытыхъ галлерей.

Распространенное въ нашемъ краѣ мнѣніе, что Т. мечеть не была окончена ко времени смерти Тимура, обыкновенно принимается въ томъ смыслѣ, что оставалась неоконченной изразчатая отдѣлка стѣнъ. Такъ думали ранѣе и мы. но встрѣтивъ у *Бекчурина*¹⁾ указаніе на ремонтъ зданія при *Абдулла-ханѣ* бухарскомъ и поинтересовавшись узнать болѣе подробно, въ чемъ состоялъ этотъ ремонтъ, мы получили какъ отъ сопровождавшаго насъ шейха *Шихабъ-ходжи*, такъ и отъ шейхъ-уль-ислама²⁾ *Иззетъ-Уллы* единогласный отвѣтъ, что, по ихъ свѣдѣніямъ, при *Абдулла-ханѣ* былъ сведенъ верхъ арки пештака, остававшійся неоконченнымъ послѣ смерти Тимура³⁾.

Если это такъ, то неудивительно, что бухарскій почитатель *Хазрета* отпустилъ средства на работу не по Тимуровскому масштабу, и если довершилъ „волюцію освобожденія мусуль-

1) „Турк. обл.“ стр. 62.

2) Мѣстный глава мусульманскихъ шейховъ.

3) Въ надписяхъ мечети имя мастера, прозводившаго эту работу, кажется не встрѣчается. По крайней мѣрѣ, туркестанскіе шейхи не могли намъ указать его; нѣтъ его ни у *Ахмерова*, ни у *Бекчурина*, ни у *Дерга*; но казалось бы, что имя (и время работы) мастера, закончившаго зданіе, должно сохраниться въ мечети, въ которой запечатлѣно даже имя *Закыръ-ходжи*, мазаваго ганчема (алебастръ) постройки при ген. *Черняевѣ*.

манской арки отъ архитрава, начавшюся въ Рои и мог. Ульчжэйтунъ, то совершенно случайно и безсознательно.

По имѣющимся пока въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, работа эта произведена около половины XVIII вѣка; хорошо различаемая снизу кладки арки не даетъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, т. е. хотя кирпичи у шельги¹⁾ расположены въ иномъ направленіи, чѣмъ у пять²⁾, но способъ кладки у самага верха, гдѣ рисковано было, строя безъ кружалъ, примораживать кирпичи къ пятамъ, тотъ-же который употреблялся не только

Труднѣе поддаются объясненію неглубокія ниши, видныя на боковыхъ фасадахъ пештака. Приобрѣсти значеніе фасадныхъ арокъ Ктедифонскаго дворца и т. обр. образовать скелетъ сопротивляющійся колоссальному распору, мѣшаетъ этимъ нишамъ расположеніе свода въ плоскости, перпендикулярной къ кривой давленія,

при Тимурѣ, но и въ до-исламской Персіи³⁾

Къ зависимости отъ выясненія этого вопроса, какъ намъ кажется, стоитъ самая дата сооруженія, для котораго, вѣроятно, твердо установить можно только годъ закладки⁴⁾.

Не рѣшаемся думать, чтобы это было ошибкой строителей, къ XIV вѣку забывшихъ то, что было выработано въ V; можетъ быть, эти впадины имѣютъ то-же значеніе, какъ и пря-

1) Самый верхъ нижней стороны свода.

2) Перпендикулярно. Конструктивная особенность эта, могущая дать историко-архитектурныя указанія, не обратила на себя вниманія художника *Матфитина*, изобразившаго въ своемъ интересномъ акварельномъ альбомѣ (имѣется въ Турк. публ. библиотекѣ) Туркестанскій пештакъ сложенымъ обыкновенной европейской кладкой. Кажется, и въ изданіи самаркандскаго Гурь-Эмира Имп. Археологической комиссіи не отмѣчена такая-же кладка задней части пештака, которая тамъ ясно видна на верхней сторонѣ арки.

3) Изслѣдованъ по древне-персидскимъ памятникамъ *Dieulafoy* и описанъ у *Gayet*. Пользуемся случаемъ поблагодарить *И. Т. Пославскаго*, впервые указавшаго намъ историко-архитектурное значеніе этого способа работы и имѣвшаго возможность неоднократно наблюдать его, особенно на памятникахъ Самарканда.

4) По опубликованному предварительному отчету Туркестанской экспедиціи *Н. И. Веселовскаго* (Извѣстія Русскаго комитета, 1906 г. № 6) трудно судить, почему годомъ постройки считается 1399 (сооруженіе котла); По *Price'* овской передачѣ *Раузетъ-ус-сефа* зданіе не было кончено въ теченіе 2-хъ лѣтъ послѣ 799 г. [т. е. къ 1399 г.]; по выдержкамъ изъ *Зафаръ-Намы Шерифъ-эд-дина*, напечатаннымъ *В. В.* въ № 98 Т. В. 1906 г., зданіе было окончено черезъ годъ (т. е. къ 1398) г.; по экземпляру *Р.-ус-Сефа*, видѣнному *В. Л. Вяткинымъ* въ Самаркандѣ, а также по приводимому имъ свидѣтельству *Абдуллы Балхи* оно было окончено въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Если считать правильнымъ только общее изъ этихъ источниковъ на закладку Туркестанской мечети осенью 1397 г., то указаніе подтвержденіе свѣдѣній, данныхъ намъ Туркестанскими сартами, покажетъ, что 1899 годъ нельзя считать существенной датой сооруженія.

моугольники, расчленяющіе нижнія части обоихъ минаретовъ, и приготовлены для тѣхъ характерныхъ персидскихъ рамокъ, орнаментировавшихся по преимуществу цвѣтами, которыя *Gayet* объясняетъ давнишнимъ вкусомъ земледѣльческаго Ирана къ цвѣтамъ и саду.¹⁾

Какъ въ Константинопольскомъ храмѣ Св. Софіи, боковыя части Туркестанской мечети выстроены въ два этажа²⁾, но отдѣляются онѣ отъ центральной не колонадами, а сплошными стѣнами, только въ нижней части которыхъ продѣланы низенькія дверныя отверстія.

Дѣйствительно, въ этомъ памятникѣ совершенно уничтоженъ колонный типъ, не только распространенный въ мусульманскомъ зодчествѣ запада, но встрѣчающійся и въ почти одновременныхъ и однотипныхъ турецкихъ постройкахъ, вродѣ малоазіатской *Jéhil Djami*.

Обстоятельство это, кажется, довольно общее для туземныхъ сооруженій³⁾ и въ данномъ случаѣ объясняется скорѣе всего самымъ назначеніемъ боковыхъ помѣщеній: у *Мирхонда* значится, что онѣ предназначались „для жилья и для другихъ надобностей, для пилигримовъ, прибывавшихъ сюда по обѣту и для тѣхъ, которые несли службу около священной могилы“.⁴⁾

Туркестанскіе шейхи передавали намъ, что въ боковыхъ худжрахъ, число которыхъ изъ почтенія къ святому увеличивается

1) Недоступность опорныхъ частей пештака, въ которыхъ В. С. Гейнцельманомъ найдены интересныя пустоты (отмѣченныя пунктиромъ на планѣ), не позволяетъ тверже судить о томъ, имѣли-ли эти ниши, а также находящееся около нихъ окно, какое-либо конструктивное значеніе.

2) Собственно худжры, коридоры и большой Акъ-сарай. Мы не имѣли возможности достать подлинное описаніе *Мирхонда*, по англійской же передачѣ *Price'a* выходитъ, что боковыя части въ мечети Хазрета были возведены съ четырьмя этажами: „On two sides of the same dome are stated to have been erected two pavilions of four stories each, and twelve cubits (гязовъ?), or eight and twenty feet square... The tomb of the sheikh was itself surmounted by a superstructure of four stories; and two additional pavilions of similar height and dimensions with those formerly described.. completed the detail of the plan.“ (Т. III р. 216). Считать слово *story* этажемъ, а не жильемъ составляетъ выраженіе „той же высоты“, поставленное въ концѣ выдержки. Но еслидаже это и не „этажъ“, то все же надъ могилой Хазрета нѣтъ (да и не могло быть по мус. воззрѣніямъ) никакого жилья.

3) Едва-ли не единственнымъ намекомъ на колонны служить полукруглая обработка наружныхъ угловъ тѣ полукруглые выступы, которые употребляются нашими сартами при кладкѣ стѣнокъ значительнаго протяженія, скорѣе имѣютъ значеніе только контрфорсовъ.

4) По передачѣ *Price'a*, см. выше.

ими до 360, еще лѣтъ 100 тому назадъ жили ученики мадрасы.¹⁾ Можетъ быть, имѣющіяся извѣстія не противорѣчатъ вы- сказанному у *Пашино* предположенію, что зданіе предназна- чалось для общежитія суфіевъ (дервишей), на что какъ-будто намекаютъ тѣ „суфы“ о которыхъ говорится у *Абдуллы (Балхи)*²⁾ в возможное чтеніе надписи по наружному кругу новой печати *Ахмеда Ясавійскаго*, предлагаемое *П. Н. Ахмеровымъ*, а именно: „кедѣйникъ этого дома“.³⁾ (сдѣлалъ эту печать).

Такимъ образомъ понятно желаніе отдѣлить боковыя помѣ- щенія отъ казанлыка⁴⁾ полнѣе, чѣмъ въ византійскомъ храмѣ, боковыя галереи котораго назначались для молящихся⁵⁾.

Большой интересъ представляютъ коридоры, раздѣляющіе постройку Турк. мечети на независимыя части. Какъ указалъ *В. С. Гейнцельманъ*⁶⁾, въ нихъ видна геніальность строителя Туркестанской мечети, предусмотрѣвшаго различную осадку отдѣль- ныхъ частей зданія и придавшаго независимость каждому своду.

Чередованіе большихъ и малыхъ пролетовъ, выгодное при переменнѣйшей величинѣ распоровъ, какъ видно было, примѣнялось еще за 3 вѣка до Р. Х.⁷⁾ Но средство это само по себѣ имѣетъ то не- удобство, что заставляетъ все же придавать нѣкоторымъ опорамъ из- лишній запасъ устойчивости, а слѣдовательно и массивности. Какъ видно изъ многочисленныхъ выступовъ Туркестанскаго плана⁸⁾ для

1) Что до извѣстной степени подтверждается сохранившимся за однимъ изъ помѣщений названіемъ— „китобъ-ханъ“ (библіотека). Фактъ полученія Тиму- ромъ у Туркестанскихъ шейховъ писанаго *тумара* (амулетъ] передъ Румскимъ (мало-азіатскимъ) походомъ („Автобіографія“, пер. *Н. С. Лыкошина*, стр. 15) какъ-будто указываетъ, что еще до сооруженія мечети около могилы Хазрета жили ученые люди.

2) Изъ письма *В. Л. Вяткина* отъ 25 февраля в. г.: „Тимуръ приказалъ построить зданіе обширное и высокое. На основаніи этого приказа воздвигли айванъ (пештовъ) съ двумя минаретами, гумбазъ (куполъ) съ квадратнымъ осно- ваніемъ въ 30 кары (гязъ) и по окружности (діаметромъ?) 30 кары; съ двухъ сторонъ гумбаза четыре суфы въ 12 кары и еще гумбазъ и четыре суфы для могилы и еще четыре суфы съ худжами“.

3) „Описаніе печати Ахмеда Ясавійскаго“. Изв. О. А., И. и Э. при Каз. Ун. т. XIII Казань, 1895. Печать сдѣлана въ 1797 г. Ходжи-ханомъ; въ старой печати, сохранившейся у Шейх-уль-Ислама, наружного круга ниваныхъ датъ нѣтъ. Гробницы, переполюющіе въ настоящее время часть нижнихъ помѣщений, начали видимо устраиваться лѣтъ 70 спустя послѣ постройки мечети.

4) Помѣщеніе подъ большимъ куполомъ. Названіе вѣроятно отъ слова „казанъ“ какъ въ просторѣчій называется извѣстный котелъ, помѣщающійся здѣсь. (По предварит.- отчету *Н. И. Веселовскаго* سقاية و ليك).

5) Верхній этажъ для женщинъ. Колонны Св. Софій нѣкоторыми даже не считаются характерными для византійскаго зодчества. (Смр. *Sacken*, стр. 58).

6) Благодаря любезному разрѣшенію его, мы пользовались докладомъ его Туркестанскому Генералъ-Губернатору отъ 18 апрѣля 1906 г. за № 20.

7) Дворецъ *Natra. Gayet*, стр. 79.

8) Пять чередаточныхъ арокъ: коридоры, *Алими-хана* и др.

Ходжи Хусейна Ширазскаго былъ извѣстенъ и тотъ приемъ сосредоточенія давленій въ немногихъ точкахъ, который даетъ возможность использовать до предѣла сопротивленіе матеріала, не теряя въ устойчивости, но съ уменьшеніемъ массы; — этотъ приемъ получилъ особенное развитіе въ готикѣ, хотя извѣстенъ еще въ Тагъ-Эйванской галлерей послѣднихъ Сассанидовъ. Также и планъ Сервистанскаго дворца (фиг. 5), сходный съ нашимъ по общему виду, выступами боковыхъ галлерей напоминаетъ намъ выступы коридоровъ и особенно халимъ-ханы.

Закончимъ этотъ поверхностный обзоръ замѣчаніемъ, что видъ снизу одного небольшого купола въ маломъ Акъ-Сараѣ своими ребристыми арками чрезвычайно напомнилъ намъ вѣчаніе михраба въ Кордовской мечети (фиг. 2).¹⁾

Среднее купольное пространство. Къ сожалѣнію, мы не располагали удовлетворительными разрѣзами зданія; то-же, что видно снаружи, наводитъ насъ на слѣдующія соображенія.

Какъ форма самого средняго помещенія (квадратъ съ несимметричными выступами по сторонамъ), такъ и мѣсто его въ планѣ особенно напоминаютъ намъ Сервистанскій дворецъ (фиг. 5). Въ описаніи закладки зданія у *Шерифэддина* значится, что Тимуръ отдалъ „Высочайшій приказъ о сооруженіи зданія надъ тѣмъ благословеннымъ мазаромъ, и чтобы построили куполъ окружностью четыре основанія съ внутренней стороны въ 130 (30?) гязовъ и діаметромъ въ 41 гязъ“²⁾.

Сопоставляя это свидѣтельство съ изслѣдованіями *Dieulafoy* надъ персидскими памятниками и мнѣніемъ *Gayet* о куполѣ могилы *Ульжэйтю* 1320 г., можно думать, что такая деталь, какъ конструкція купола, попала въ „Высочайшій указъ“ не даромъ: уже во времена Сассанидовъ былъ выработанъ особый способъ очертанія („эпюра“) сводовъ, причемъ какъ разъ пролетъ свода опредѣлялъ всѣ главнѣйшіе размѣры сооруженія. Вполнѣ возможно, что, познакомившись черезъ своихъ персидскихъ совѣтниковъ съ архитектурной важностью этого правила,³⁾ Тимуръ помѣстилъ его и въ свой указъ о постройкѣ мечети *Хазрета*

¹⁾ По рисунку на стр. 41 ч. II *Busch'a*; снаружи этого купола не видно, а внутри малаго Акъ-Сараѣ уже опасно ходить.

²⁾ *В. В. Историческая справка*. Турк. Вѣд. 1906 г. № 93. У *Мирхонда* („dome with four sides each of thirty cubits“ по *Price'y*) и *Абдуллы Балли* почти тѣ-же выраженія.

³⁾ Пролетъ свода игралъ до извѣстной степени роль модуля классической колонны.

Скорѣе только по идеѣ¹⁾ можно приравнять куполь казанлыка къ знаменитому константинопольскому, конструкція же ихъ имѣетъ мало общаго.

Повышенный, благодаря восьмигранному барабану и болѣе полному очертанію дуги, куполь Турк. мечети не имѣетъ верхнихъ оконъ, составляющихъ едва-ли не лучшую красу византійскаго храма:²⁾ только четыре боковыхъ окна скудно освѣщаютъ внутренность казанлыка взамѣнъ сорока купольныхъ оконъ Св. Софіи, но и ими туркестанскіе шейхи удачно пользуются, чтобы морочить свою легковѣрную паству.³⁾

Неудивительно, что примѣнивъ чуждую форму плана, мусульманскій строитель толковалъ свою задачу иначе: это не домъ Божій, который сооружалъ христіанскій творецъ Св. Софіи, воплотившій идею Бога „въ ласковой, спокойной лириіи свода, обнимающаго молящихся“;⁴⁾ какъ говорилось ранѣе, „горизонтальная ориентировка“ (въ сторону могилы Хазрета) является и здѣсь, и только въ малой мечети, служащей для радѣній (зикръ) суфіевъ,⁵⁾ можетъ быть не безъ умысла, строителемъ устроены этотъ „горній свѣтъ“, нисходящій черезъ частія прорѣзы шестнадцати оконъ.

IV.

З а к л ю ч е н і е.

На основаніи сказаннаго, мы такъ представляемъ себѣ историко-архитектурное значеніе Туркестанскаго памятника.

По классификаціи, установленной для мусульманской архи-

1) „Единство Бога и Государя“. Главному куполу даже болѣе разбросанной Шахской мечети въ Испагани *Viollet-le le Duc* придавалъ то-же значеніе, стр. 203.

2) „Въ свѣтъ этомъ есть что-то матовое, неуловимое, и это что-то—первое впечатлѣніе вновь вступающаго въ соборъ“. *Гиндичъ*, „Исторія искусствъ“. Спб. 1897 г. I стр. 358.

3) См. интересное описаніе своеобразныхъ „чудесъ“ *Н. С. Лыкошина* въ № 17 Турк. Вѣд. за 1902 г. Мы также видѣли на стѣнѣ гробницы Абуль-Хайръ-хана („айна-ташъ“—зеркало камень) отраженіе казанлыка.

4) *Гиндичъ*, стр. 359. Цѣнное описаніе *Клавишо*, видѣвшаго еще знаменитый образъ Бога-Отца, помѣщено на стр. 65—72 изданія *Срезневскаго*, Спб. 1881.

5) Суфизму, какъ извѣстно, посвящена обширнѣйшая литература; современное положеніе хорошо у *А. Шателле*, „Исламъ въ XIX в.“ пер. Камыковой, Ташкентъ 1900. По словамъ Туркестанскихъ шейховъ, самъ Хазретъ сначала былъ „хуфія“ (тайный) и лишь потомъ явный („джагрія“, изступленный) суфія (мистикъ).

тектуры, Туркестанская мечеть должна быть отнесена къ группѣ смѣшанныхъ стилей, развившихся сравнительно въ позднее время жизни Ислама. Мы бы причислили ее къ „персидско-арабской“ вѣтви по классификаціи *Fr. Paschi*¹⁾ если бы не находили въ ней болѣе глубокаго персидскаго вліянія, чѣмъ-то, которое обыкновенно встрѣчается въ мечетяхъ этой категоріи, арабское же вліяніе, если и встрѣчается въ Туркестанской мечети, то скорѣе только въ украшеніяхъ²⁾.

Можетъ быть П—образная форма плана, выступы боковыхъ частей, конструкція сводовъ, а также указаніе о большомъ куполѣ, входящее въ повелѣніе Тимура, придаютъ Туркестанскому плану болшую связь съ архитектурой старыхъ персовъ, чѣмъ та, которую могъ отмѣтить по сохранившимся персидскимъ памятникамъ *Gayet*.³⁾

Своеобразность плана вызвала въ насъ мысль провести въ началѣ очерка можетъ быть слишкомъ рѣзкое различіе въ планахъ мечетей, которые представляютъ массу промежуточныхъ типовъ, но кажется не подлежащимъ сомнѣнію остается тотъ фактъ, что въ Туркестанскомъ сооруженіи, раньше, чѣмъ въ описанныхъ уже памятникахъ, закончилась та эволюція перехода „двораго“ типа мечети въ „сосредоточенный“, которая намѣчается многими издѣдователями.

Наконецъ, то общее, что показалось намъ въ Туркестанскомъ планѣ сравнительно съ Св. Софіей и древне-персидскими дворцами, какъ-будто наводитъ на мысль, что, „сосредоточенный“ планъ, зародившись, можетъ быть, въ Азіи, былъ только блестяще завершенъ строителями знаменитаго константинопольскаго храма, и не безъ умысла пересаженъ обратно въ нашъ Туркестанъ мудрымъ создателемъ Хазрета Яссавійскаго (Тимуромъ).

Дѣйствительно, подсказанная вѣроятно персидскими архитекторами идея какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала обстоятельствамъ и времени, и мѣста. Непрочность сдѣланныхъ завоеваній показала Тимуру, кажется, какъ разъ только около этого времени, что попытки создать единое мусульманское царство по способу, неоднократно испробованному до него, не достигаютъ цѣли: надо было объе-

1) 4-я группа, стр. 67.

2) Зигзагообразность орнамента вродь описаннаго *Boisgoin*.

3) Мы очень благодарны многоуважаемому А. А. Семенову, натолкнувшему насъ на мысль сравнить Г. мечеть со старо-персидскими сооружениями.

динить завоеванія прочной государственностью и общимъ міровоззрѣніемъ¹⁾.

Какъ указывалъ *Иванинъ*²⁾, именно сосѣдняя Сырь-Дарьинская степь зачастую разрушала стратегическіе замыслы великаго полководца; уже однимъ фактомъ постройки великолѣпнаго мазара надъ могилою прославившагося въ Исламѣ тюрка Тимуръ польстилъ родовому чувству кочевниковъ³⁾ и могъ надѣяться укрѣпить ихъ религіозныя чувства.

Но сооруженіе арабскаго типа, съ его плоскими крышами и горизонтальной ориентировкой къ Меккѣ, мало что могло говорить сердцу впечатлительнаго и далекаго отъ всякой „географіи и исторіи“ киргиза; не потому-ли и указывается Тимуромъ постройка, которая уже однимъ своимъ видомъ напоминала бы не только о величіи религіи пророка, но и о *единовластїи* земного повелителя степи.

Вѣдь и самыя воззрѣнія Тимура до извѣстной степени напоминаютъ византійскія; вспомнимъ изрѣченіе одного изъ любимыхъ его шейховъ: „Тимуръ! Всевышній объявилъ, что если бы на небесахъ или на землѣ было два Бога, то порядокъ вселенной нарушился бы!“⁴⁾.

С. Маллижій.

К О Н Е Ц Ъ.

¹⁾ См. предисловіе *Дямле* къ „Уложенію Тимура“. Русское изданіе *Н. П. Остроумова*. Казань 1894 г. Стр. 132, 141.

²⁾ „О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азиатскихъ народовъ“, Спб. 1875 г.

³⁾ О Хазретѣ Ясавійскомъ, какъ родоначальникѣ нѣкоторыхъ киргизскихъ колѣвъ см. у *Н. И. Гродекова*. „Киргизы и каракиргизы Сырь-Дарьинской обл.“ прилож. I стр. 4 и прилож. II, а также у *Аристова*. „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“. Насъ Туркестанскіе шейхи конечно увѣрили, что святой арабскаго происхожденія, въ *одинадцатомъ* поколѣніи отъ *Исмакъ-Баба*, могила котораго въ *Чулакъ-курямъ* (18 в. отъ Туркестана къ Саурану), и происходитъ изъ рода *Фатьмы*.

⁴⁾ „Уложеніе Тимура“, рус. изд. *Н. П. Остроумова*, стр. 131

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВѢСТІЯ
ТУРКЕСТАНСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ II 1900.

ВЫПУСКЪ II.

СОСТАВЛЕНЪ

подъ ред. Предсѣд. И. Т. Пославскаго и Члена Редакц.
Комитета Я. П. Гулятьева.

ТАШКЕНТЪ.
Типографія Штаба Туркест. Воен. Округа.
1900.

САРТОВСКАЯ ПѢСНЯ. *)

Помѣщаемая ниже сартовская пѣсня записана мною въ іюнь 1900 года въ горной части Ташкентскаго уѣзда, въ таджицкомъ кишлакѣ Богустанѣ. Окруженные со всѣхъ сторонъ преобладающимъ по численности тюркскимъ населеніемъ и легко ассимилируясь съ нимъ, таджики Ташкентскаго уѣзда своихъ собственныхъ, оригинальныхъ пѣсенъ не имѣютъ, а поютъ или сартовскія пѣсни, или стихи книжнаго происхожденія на тюркскомъ языкѣ (преимущественно изъ Хазретъ - Султана, Ходжи Ахмада—Ясави и изъ Наваи), или на языкѣ персидскомъ (изъ Хафиза). Записанная мною въ Богустанѣ пѣсня слышана мною неоднократно и ранѣе; она распространена среди сартовскаго населенія Ферганы и Ташкентскаго уѣзда и называется „Амонъ“ (собственно, — здоровье, благополучіе, т. е. заздравная пѣсня). Такое названіе произошло отъ ея мелодическаго припѣва, въ которомъ слово „амонъ“ повторяется нѣсколько разъ. Сложена эта пѣсня, повидимому, въ Ферганѣ, во времена независимости Кокандскаго ханства; въ старину пѣвцы ибъвали ее ханамъ и бекамъ (правителямъ провинцій) на торжественныхъ собраніяхъ (ср. наше „многая лѣта“).

(*) Киргизскія народныя пѣсни неоднократно появлялись въ печати, и общій характеръ этой поэзіи довольно знакомъ читающей публикѣ; сартовскія же пѣсни почти неизвѣстны и потому представляютъ значительный интересъ. С. Г. Рыбаковъ записывалъ только общее содержаніе пѣсенъ; его командировка имѣла главную цѣль собраніе мелодій народныхъ пѣсенъ тѣхъ племенъ, которыя населяютъ Среднюю Азію, и это ему бесспорно удалось, такъ какъ у него былъ фонографъ; слова же пѣсенъ имѣли для него второстепенное значеніе. Предлагаемая вниманію читателей сартовская пѣсня пріобрѣтаетъ особую цѣнность, благодаря переводу и интереснымъ комментаріямъ Н. Г. Маллицкаго, записавшаго ее. Ред

Пѣсня записана русскими буквами, сообразно мѣстному произношенію. Какъ особенность мѣстнаго и вообще среднеазиатскаго, главнымъ образомъ таджицкаго говора, слѣдуетъ отмѣтить преобладаніе звука о (бозоръ, мазоръ, бекоръ, хонъ, джонъ, іоръ); за о произносится не только „алифъ“, но иногда и тотъ соотвѣтствующій ему звукъ, который на письмѣ не изображается, или изображается посредствомъ „я“, или „кичигъ ги“ (алло, дильборъ, Мустафо)

1-я строфа

Нома биттымъ хызматынга, иньоръ, альбѣтта кель.
 Окубъ ачибъ, джонъ фидо бульсунъ санга, альбѣтта кель.
 Манъ уляръ холятка йттымъ, иньоро, шамби кель.
 Шамбига юль топмасангъ, шафкатъ биянъ,
 якшамби кель.

Ике олямъ обруи уль кунъ топты уджюдь.
 Мустафони хурматидынъ, э, кузюмъ, дюшамби кель.
 Ой кунни ичида нагзъ айттеляръ сешамбини;
 Чахоръ йорни хурматидынъ, э, кузюмъ, чаръ шамби кель.
 Манъ джамолингни курубъ ульдумъ куюбъ джума кунни.
 Бръ карамъ айлябъ мани бечорага пайшамби кель *)).

припѣвъ: Кандокча замонаи, замонаи, замонаи,

Хонимизъ амонаи, амонаи, амонъ.

2-я строфа.

Дильборымни согыныбъ сагайганымни кимъ билюрь?
 Хасратъ-о-армонъ биянъ джонъ берганымни кимъ
 билюрь?

*) Пѣвецъ повторялъ двѣ послѣднія строки въ этомъ порядкѣ; ниже, въ русскомъ переводѣ, онѣ размѣнены сообразно смыслу: предпослѣдняя на послѣднемъ мѣстѣ, а послѣдняя на предпослѣднемъ.

Дустсузь хасратъ-о армонъ биянъ, бойлябъ билимни
зоръ биянъ;

Кайдынъ кельды ямонляръ, аклымны олды гальбъ илянъ.

припѣвъ: Хонимизъ амонаи, бегимизъ амонаи,

Хонимизъ амон-аи, амон-аи, амонъ.

П Е Р Е В О Д Ъ.

1-я строфа.

Письмо тебѣ написалъ я, о, другъ, приходи непременно!

Раскрой, прочти его: душу мою я приношу тебѣ въ
жертву,—приходи непременно!

Я дошелъ до такого состоянія, что почти умираю; о,
другъ мой, приходи въ субботу.

Если въ субботу пути не найдешь, то сжался, приди
въ воскресенье.

Въ тотъ день было рожденіе красоты обоихъ міровъ*),
Мухаммеда;

(Тагъ хоть) изъ уваженія къ Мустафѣ**), приходи въ
понедѣльникъ.

Изъ всѣхъ дней мѣсяца наилучшій, говорятъ, втор-
никъ, — (приходи-же во вторникъ).

*) Въ мусульманской, главнымъ образомъ мистической поэзіи весьма распространено сопоставленіе двухъ міровъ: „доръ аль фано“ — обитель исчезновенія, тлѣнія, т. е. міръ реально существующій, и „доръ уль бако“ — обитель вѣчности, т. е. будущая жизнь, міръ сверхъ естественный. Мухаммедъ послѣдній и наивысшій изъ пророковъ, часто называется у мусульманъ эссенціей, красой, или украшеніемъ обоихъ міровъ, такъ какъ душа его есть наилучшее и совершенѣйшее созданіе Божіе.

**) Мустафа, буквально, избранныкъ (Божій), одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ эпитетовъ Мухаммеда. Эпитеты эти весьма многочисленны, и у одного религіознаго туземца я даже видѣлъ рукописную книжку, наполненную исключительно хвалебными эпитетами и словословіями пророку. Тому же предмету посвящены два стихотворенія (24-е и 25-е) наиболѣе уважаемаго изъ мѣстныхъ мистическихъ поэтовъ, Ходжи Ахмада Ясави, Султана Арефина.

Изъ уваженія къ „четыремъ друзьямъ“ *) приходи,
мой свѣтикъ**), (хоть) въ среду.

Сжался надо мною, бѣднымъ, хотя въ четвергъ.

(Только) въ пятницу я увидѣлъ твою красоту и
сгорѣлъ (отъ любви).

припѣвъ: Что за время, времячко у насъ!

Да здравствуетъ ханъ нашъ, да здравствуетъ,
да здравствуетъ!

2-я строфа.

Кто знаетъ, когда опомнюсь я отъ тоски по моей
милой?

Кто знаетъ, съ какой страстной тоской я готовъ отдать
за нее свою душу?

Старая страстной тоской по другѣ, съ плачемъ пере-
вязалъ я поясицу свою.

Откуда пришли на меня злодѣи, отнявшіе у меня
вмѣстѣ съ сердцемъ и умъ?

припѣвъ: Да здравствуетъ нашъ ханъ, да здравствуетъ нашъ
бекъ!

Да здравствуетъ нашъ ханъ, да здравствуетъ, да
здравствуетъ!

Едвали возможно отнести эту пѣсню къ разряду любовныхъ. Извѣстно, что мусульманская поэзія есть поэзія по

*) „Четыре друга“, чакоръ юръ, или чарь--ярь, первые четыре халифа, Абубекръ, Омаръ, Османъ и Али, весьма почитаемые суннитами, въ качествѣ „друзей“ пророка. Въ этомъ стихѣ есть каламбуръ, или игра словъ: „четыре друга“ (чарь-ярь) и „четвертый день“ (по субботѣ), т. е. среда (чарь-шамбе). Подобные каламбуры очень обыкновенны въ сартовской поэзии.

**) Буквально, —глазокъ мой.

преимуществу мистическая, и мусульманскіе поэты изображаютъ свое стремленіе къ Божеству по большей части въ видѣ страстнаго влеченія къ любимому существу („другу“, „душенькѣ“ и т. под.). По этой причинѣ мусульмане, считающіе вообще зазорнымъ говорить о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, нисколько не стыдятся таковой эротической по внѣшнему виду, но на самомъ дѣлѣ аллегорической поэзіи; наоборотъ, занятіе ею и изученіе ея считается дѣломъ богоугоднымъ. Даже пламенныя анакреонтическія стихотворенія Хафиза пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ и самъ Хафизъ, веселый эпигуреецъ, не разъ возбуждавшій при жизни своимъ поведеніемъ негодоваціе представителей мусульманскаго благочестія, считается нынѣ святымъ Ходжею Хафизомъ, произведенія котораго изучаются и комментируются въ школахъ.

Н. Маллиукій.